

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

КОТРОМСКАЯ ГЛОБОДА

№3-2015

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНЫЙ МОТИВ

Особенный год. А.И. Митин.....с.3

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Деревянные колокольни Костромского края. С.А. Пиляк.....с.5

Заметки об архитектурной культуре

деревянного жилища Русского Севера. М.Н. Гурари.....с.12

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Лозоплетение: от ремесла к мастерству. Е.А. Новиков.....с.19

Обычаи деревни Копьево. Н. Завьялова.....с.23

Русское узорное тканье. В.И. Смирнов, Л.С. Кितिцына.....с.26

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Летние поездки на север. Т.В. Смирнова.....с.37

Чехия, которую я встретил на Кавказе. А.И. Митин.....с.41

КОСТРОМСКОЙ ФОЛЬКЛОР

Образ снегурочки в сказке и бренде. О.Н. Румянцева.....с.47

Народные святочные игры. Т.Г. Гончарова.....с.51

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

Ткачество на бёрдо. К.Г. Белова.....с.59

Ожившая экспозиция музея-заповедника «Кижі»:

Представление ремесел Олонецкого края

конца XIX—XX века. М.М. Гусева.....с.63

На обложке: Народный фольклорный ансамбль «Венец», постоянный участник народных праздников в «Костромской слободе».

А.И. МИТИН,
директор Музея-заповедника
«Костромская слобода»

ОСОБЕННЫЙ ГОД

Уходящий 2015 год был для Музея-заповедника «Костромская слобода» годом во всех отношениях особенным. Это был год празднования 55-летия одного из старейших в России музеев деревянного зодчества – музея в Костроме, чему были посвящены народные праздники на его территории, открытие новых экспозиций в памятниках народного зодчества, долгожданное возобновление реставрации музейных объектов, многочисленные выставки, прошедшие как в музее, так и на иных выставочных площадках, новые экскурсии и мастер-классы, мероприятия с юными посетителями по программам музейной педагогики, презентации наших изданий и многое другое. Главным же событием 2015 года стало проведение Министерством культуры РФ в Костроме на базе музея-заповедника III Международной научно-практической конференции по вопросам сохранения, использования и попу-

ляризации памятников деревянного зодчества. В ней приняли участие архитекторы, реставраторы, искусствоведы, музейщики из разных городов России, которые познакомились с историей становления и развития Костромского музея деревянного зодчества, юбилей его как раз отмечался в эти дни. Каждый год наш музей посещает больше 100 тысяч туристов и гостей города Костромы, для которых берега речки Игуменки в «Костромской слободе» становятся излюбленным местом отдыха. Каждый третий посетитель приходит в музей в составе экскурсионной группы или является участником этнографических праздников. Ежегодно расширяются традиции семейного отдыха в музее-заповеднике «Костромская слобода» – к нам едут гости из разных уголков России, чтобы увидеть редкие жемчужины русского народного зодчества, прикоснуться к традициям, идущим из глубины веков.

Новый год – это отличный повод поздравить всех друзей Музея-заповедника «Костромская слобода» с этим замечательным семейным праздником. Желаем всем процветания!

С.А. ПИЛЯК,
заместитель директора
Музея-заповедника «Костромская слобода»

ДЕРЕВЯННЫЕ КОЛОКОЛЬНИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

В свете современной тенденции ускоряющейся утраты памятников деревянного зодчества нельзя не отметить, что подлинные сооружения некоторых типов уже практически не существуют, оставаясь лишь в нашей памяти и в сравнительно редких изобразительных источниках. В Костромской области такая ситуация характерна в настоящее время для деревянных колоколен.

Как указывают некоторые исследователи¹, первыми колоколонесящими сооружениями в русской архитектуре были столбовые звонницы. Невысокие стойки дополнялись переключиной для навески колоколов или билов – деревянных звукопроводящих инструментов. «Вместо колоколов использовали металлическую или деревянную доску – било. Ударами по ней созывали людей на молитву или в случае беды. Било известно на Руси вплоть до конца XV в.»². Иногда сооружение покрывалось простейшей кровлей для защиты от атмосферных осадков. При этом звонарь управлял колоколами с земли. «Примитивные колокольни – так эти приспособления называли в древних храмовых летописях – представляли собой обычные переключины-козлы, на поперечный брус которых и подвешивались колокола. Иногда вместо переключин делали крестовины под кровлей. Эти постройки и послужили прообразами колоколен»³. Такие примитивные звонницы в деревянном исполнении на территории Костромского региона к настоящему моменту не сохранились. Подобные сооружения отмечены в книге Адама Олеария. Путешественник, побывавший в России в XVII веке, в рисунках представил подобные примеры, распространенные в эту эпоху.

Иногда самостоятельные колоколонесящие сооружения на погостах вовсе отсутствовали. В таком случае для размещения колоколов могли

служить паперти: «... пред трапезною паперть с двухсторон рублена в лапу и забрана в столбы бревнами, на паперти 2 колокола»⁴.

Писцовые книги 1592-1593 годов, описывающие владения Троице-Сергиева монастыря в Костромском уезде, упоминают такие сооружения, как «колокольницы»⁵ (в селе Богородском на реке Востре). Столбовые колоколонесящие сооружения на территории Костромского региона по большей части зафиксированы в начале XVIII века. Среди прочих отмечена одностолбная звонница: «близ церкви колокольня на одном столбе, на колокольне 2 колокола»⁶. Церковь Успение Пресвятыя Богородицы за рекой Ветлугой в вотчине Макариева Унженского монастыря имела столбовую звонницу: «колокольница на дву столбах бревенных, на колокольнице 2 колокола...колокольница крыта лубьем и тесом»⁷.

Усложненное, а также каркасное решение было характерно для каркасных звонниц на квадратном основании, имевших в основе каркаса четыре, пять или девять столбов. Примером является звонница церкви села Домовицы Нерехтского уезда, известная по рисунку, опубликованному в Известиях Императорской Археологической Комиссии⁸. Каркасная звонница на 4 столба пристроена к западной стене церкви. Село Домовицы сейчас находится на территории Фурмановского района Иванов-

Церковь села Домовицы.

ской области. Скромная клетская культовая постройка покрыта невысокой двускатной крышей, со стороны притвора дополнена каркасной («на столбах») колокольней. Источник 1911 года называет этот объект молитвенным домом. Престол имел посвящение св. благ. кн. Александру Невскому⁹. Возможно, звонница церкви села Домовицы являлась временной постройкой, ввиду отсутствия достоверной информации датировать сооружение невозможно¹⁰. Столбные колокольни существовали на территории Костромской губернии еще в первой трети XIX века. Лишь позднее такие сооружения заменялись срубными. Архивный источник по истории церкви Казанской иконы Божией Матери на Идском городище отмечает: «После 1838 года в церкви сделаны перестройки. ...колокола висели на столбе и ныне построена 2-х этажная деревянная колокольня»¹¹.

С XVII века на территории Костромского региона известны рубленые колокольни. В целом, в русском деревянном зодчестве сооружения такого типа известны с более раннего времени: «относительно же деревянных восьмистенных колоколен можно безошибочно сказать, что тип их был в корне определен если не в XV ст., то во всяком случае в XVI ст...»¹². Одно из первых рубленых колоколонесущих сооружений было возведено на рубеже XVI-XVII веков, в Макарьево-Унженском монастыре:

«... во времена Бориса Годунова в монастырь для строительства направили боярина Давида Хвостова, который с 1596 по 1608 гг. построил новый деревянный храм во имя преподобного Макария, соборный храм Троицы – шатровый с приделом в честь мучеников Флора и Лавра на подклете с трапезной, – колокольню брусную семистенную шатровую, игуменскую келью, девять братских келий, хлебню и поварню»¹³.

Варнавина Троицкая пустынь имела в начале XVIII века также самостоятельную рубленую колокольню: «... колокольня деревянная о 4 стенах снизу рублена в лапу, на колокольне забрано в бабки досками, сверху шатрик и крест деревянной, на колокольне 3 колокола»¹⁴. Ризположенская церковь Чухломского уезда имела также срубную колокольню, увенчанную шатром: «... колокольня брусчатая деревянная рублена в лапу, на колокольнице шатер, на шатре глава и крест деревянной, на колокольнице 4 колокола»¹⁵. В ансамбле соборного храма города Галича, возведенного в XVII веке, также находилась срубная колокольня: «...колокольня бревенная на 8 стенах шатровая, на колокольне глава окожучена лемехами древенны, крест опаян белым немецким железом, на колокольне 5 колоколов ... сход с колокольни деревянной, по другую сторону колокольни рундук забран в бабки досками, сход с того рундука деревянной»¹⁶.

О церкви Василия Кесарийского 1702 г. писцовая книга пишет так: «В том же монастыре близ церкви колокольня деревянная о 10 стенах, на ней 6 колоколов»¹⁷. Десятистенный сруб – чрезвычайно редкая конструкция в русском деревянном зодчестве. Среди немногих сохраняющихся вплоть до недавнего времени известна лишь шатровая ветряная мельница в деревне Зайцы Вохомского района¹⁸. Фотографии мельницы позволяют в общих чертах представить вид колокольни.

К XVI-XVII векам традиционным становится тип рубленой колокольни «восьмерик на четверике». Говоря об истоках происхождения типа квадратных и восьмиугольных в основании колоколен, И. Грабарь пишет: «Естественнее всего предположить, что они возникли из деревянных колоколен. Когда последние стали рубиться в восьмерик, то эта новая форма колоколен, наиболее распространенная на всем русском севере, не могла не отразиться и на каменном зодчестве, неоднократно уже питавшемся приемами, выработанными плотниками. Появились каменные колокольни, как бы скопированные целиком с деревянных шатровых»¹⁹.

Для группы храмов, возведенных в западной части Костромского края и тяготеющих к региону Костромского Поволжья, характерна срубная колокольня типа «восьмерик на четверике», пристроенная к западной части храма

или вовсе надстроенная над притвором либо трапезной. Данная традиция бытовала с середины XVII века до 1740-х годов. Село Спасово Макарьевского уезда имело церковь с надстроенной над притвором колокольней: «в селе Спасском церковь во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего И. Христа с трапезною деревянная рублены в углы...подле трапезы паперть с двух сторон забаран в бабки досками, над трапезною колокольня деревянная рублена в замок, на колокольне шатрик деревянной»²⁰.

Стоит отметить, что сравнительно редкое объемное решение по блокировке колоколен с храмовыми зданиями характерно также и для зодчества Карелии, подробно описанного исследователями: «Стремление акцентировать западный фасад предопределило прием соединения основных культовых построек с колокольнями. Последние получили широкое распространение на Севере, по-видимому, не ранее XVIII в.»²¹. В пределах украинского Полесья распространение деревянных церквей, построенных «кораблем», с колокольней над западным притвором исследователь В. Завада связывает с «влиянием композиционных схем западноевропейского культового зодчества». Развитие в пределах Костромского Поволжья типа аналогичной клетской церкви в XVIII веке, очевидно, также связано с опосредованным влиянием европейской барочной архитектуры²². К концу XVII

Церковь Казанской иконы Божией Матери на Идском городище.

Макарьевская церковь села Макарий-Притыки.

Храм прп. Серафима Саровского.

Деревянная Казанская церковь села Соцевино.

века это влияние стало вполне заметным. В это время строятся Георгиевская церковь 1643 года в селе Дебово²³ и Архангельская церковь 1681 года в селе Муромцево.

В 1713 году в непосредственной близости от Костромы возводится церковь Спаса-Преображения в селе Спас-Вежи. Церковь была дополнена свайной колокольней типа «восьмерик на четверике», немного превышающей по высоте церковь и поставленной на сваи с северо-западного угла паперти.

К этому же периоду, первой трети XVIII века, можно отнести следующие церкви: Казанской иконы Божией Матери в Соцевино 1721 года и не имеющие подробной аргументированной датировки храмы – Крестовоздвиженский в селе Манылово Костромского уезда²⁴ и Успенский в селе Иваново. Данные памятники культовой архитектуры имели пристроенные к западной стене притвора рубленые колокольни. Объединяет данные примеры не только общая композиция колоколен, состоящая из массивного четверика и поставленного на него восьмерика, увенчанного шатром, но и более позднее возведение колокольни относительно церкви.

Первой из костромских деревянных церквей, привлечших внимание исследователей русского деревянного зодчества, стала в 1887 году Петропавловская церковь города Плеса. К архитектуре храма, как простейшего образца клетского сооружения, неоднократно обращались исследователи деревянного зодчества²⁵. И. Э. Грабарь, ссылаясь на клировые записи, датирует храм 1748 годом²⁶. Церковь представляет клетскую постройку, четырехчастную в плане. До 1838 года при храме существовала деревянная одноярусная колокольня, «употребленная на обжиг кирпича»²⁷ при строительстве каменной Петропавловской церкви. Рисунок братьев Чернецовых является единственным изображением деревянной Петропавловской церкви города Плеса, где храм зафиксирован с колокольней, разобранный в 1838 году²⁸. Колокольня типа «восьмерик на четверике» примыкала к западному фасаду церкви и по высоте немного превышала завершение четверика.

Для поздних храмов, возникших в эпоху эклектики, колокольня, надстроенная над западной частью сооружения, становится уже практически обязательным элементом. Позволяющая усложнить силуэт, колокольня с остроконечным, завершением, напоминающим по форме шатер, востребована эстетикой эклектики. Ярким примером является Введенская церковь Ветлужского уезда, построенная в 1905 году.

Иногда несложные колоколесущие сооружения появлялись и на прилегающей к храму территории. Храм прп. Серафима Саровского в усадьбе Соколово Галичского Николаевского Староторжского монастыря является редким для Костромского региона примером культовой деревянной постройки, имеющей автора проекта. Костромской архитектор Николай Иванович Горлицын выступил автором проекта сооружения, на чертеже обозначенного как «Проект деревянной часовни, предполагаемой к постройке Галичским Староторжским Николаевским женским монастырем при сельце Соколове». В 1908 году часовня была построена, но в процессе строительства уже была преобразована в церковь.

Храм в деталях ориентирован на образцы деревянного зодчества. Квадратный четверик, покрытый крутой восьмискатной крышей, увенчан луковичной главкой на высоком квадратном постаменте сложного профиля. С востока к четверику прирублен пятигранный алтарь, покрытый крутой вальмовой крышей, с запада – небольшой прямоугольный притвор. Крыши храма выделены ажурными гребнями. Фигурная тесовая обшивка и выразительные оконные наличники приближают памятник к «ропетовской» архитектуре. При реализации проекта храм получил несколько иное завершение, был изменен ряд деталей, но при этом были сохранены основные особенности композиции. Поставленная на небольшом расстоянии от церкви, и к северо-западу от нее приземистая восьмистенная колокольня, уступавшая храму по высоте, дополняла небольшой храмовый ансамбль.

Редкость деревянных колоколен отмечается еще первыми исследователями костромского деревянного зодчества: «печальной особенностью обследуемых церквей является почти поголовное отсутствие при них деревянных звонниц: из одиннадцати старых деревянных церквей, дошедших до наших дней, только одна имеет таковую звонницу. Звонница эта столпообразной восьмигранной формы, с одним ярусом звонов и с шатровым восьмигранным же покрытием»²⁹. Утрата деревянных колоколен характерна и для более раннего времени. Ветлужский краевед С. В. Зетиллов, исследовавший летом 1925 года деревянные храмы Среднего Поволжья, упоминает о храме во имя Илии Пророка, 1767 года в селе Макарьевском: «... вход в него с запада через нижнюю часть колокольни, верх которой разобран за ветхостью»³⁰.

Такая ситуация заставляет более пристальное внимание уделить единичным колокольням, сохранившимся на территории, некогда объединенной Костромской губернией. Одним из крупнейших подобных памятников является колокольня Ильинской церкви села Ильинского на Чебоксарке 1775 г.³¹. Храм, построенный в южной части Варнавинского уезда, некогда имел характерную башнеобразную композицию храмового столпа, ярусная композиция которого поддержана соразмерной ему колокольней, надстроенной над западным притвором. Нижний квадратный ярус, охваченный треугольными фронтонами и подчеркнутый западным четырехколонным портиком тосканского ордера, служит основанием для четырех также квадратных ярусов, средние из которых имеют арочные проемы, прорезанные в стенах по сторонам света. Увенчана колокольня невысоким пирамидальным шпилем с миниатюрной главкой и восьмиконечным крестом. Особый интерес также представляет и то, что колокольня храма, в отличие от четверика, сохраняется на историческом месте до сих пор, что для колоколен XVIII века в Центральной России представляется значительной редкостью.

Знаменская церковь села Знаменского, построенная в 1893 году, имеет расположен-

Петропавловская церковь города Плеса (прорись автора с рисунка Чернецовых).

Колокольня Ильинской церкви. Фото 2009 г.

Колокольня Знаменской церкви. Фото 2009 г.

ную рядом колокольню типа «восьмерик на четверике» 1801 года³², к настоящему времени сохраняющую нижнюю срубную часть. К данному скромному перечню, без сомнения, можно отнести и церковь Всемилошного Спаса из села Фоминское 1712 года³³, сохраняемую на территории Костромского музея деревянного зодчества.

Одна из костромских легенд, которую приводит основоположник современных принципов реставрации памятников деревянного зодчества Александр Ополовников, звучит так: «В Никольском уезде Вологодской губернии, на реке Вохме, невидимый колокол отчетливо звонил, указывая место, где надо строить церковь. Это было в 1784 г. В 1845 г. эта церковь сгорела, причем колокола тоскливо и жалобно звонили, – и с той поры берегается там поговорка «Звоном началась – звоном и закончи-

Церковь Спаса из села Фоминское.

лась»³⁴. Так заканчивается и эпоха костромских мастеров-древоделов. Шедевры плотницкого мастерства сохраняются лишь в музеях деревянного зодчества.

Примечания

1. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. – С. 147; Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. ч. I. Деревянное зодчество. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1916. – С. 135; Грабарь И. Э. История русского искусства. Том. I. Архитектура. – М.: Издание И. Кнебель, 1909. – С. 444.
2. Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Дерево и гармония: Образы деревянного зодчества России. – М.: Ополло, 1998. – С. 166.
3. Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Дерево и гармония: Образы деревянного зодчества России. – М.: Ополло, 1998. – С. 166.
4. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Галичская десятина с пригороды. Вып. I. Кострома, 1895. – С. 27.
5. Калачов Н. В. (ред.) Писцовые книги XVI века. Отделение I. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. – СПб.: Императорское русское географическое общество, 1872. – С. 893-919.
6. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. Вып. II. Кострома, 1900. – С. 121.
7. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. Вып. II. Кострома, 1900. – С. 119.
8. Известия Императорской Археологической комиссии. Выпуск 31 (Вопросы реставрации, вып. 8). – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1909. – С. 233.
9. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. – Кострома: Губернская типография, 1911. – С. 203.
10. Пиляк С. А. Деревянные храмы северо-западного района Ивановской области / Информационная среда ВУЗа. Материалы XXI Международной научно-технической конференции. – Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2014. – С. 464-477; Пиляк С. А. Памятники культового деревянного зодчества Нерехтского уезда // Историко-краеведческий и литературный журнал «Губернский дом». – Кострома: АУ КО «Издательский центр «Губернский дом», 2014. № 3 (96). С. 58-62.
11. Л. 1806. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 211. Костромское научное общество по изучению местного края. А. Казаринов. Сведения о Идском городище. 1920 г.
12. Суслов В. В. Очерки по истории древне-русского зодчества. – СПб.: Типография А. В. Маркса. 1889. – С. 99.
13. Конопатов С. Н. (ред.). Исторические города и села Костромской области. – Кострома: комитет по охране и использованию историко-культурного наследия администрации Костромской области, 2004. – С. 112.
14. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. Вып. II. Кострома, 1900. – С. 116.
15. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Галичская десятина с пригороды. Вып. I. Кострома, 1895. – С. 355.
16. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории

- Костромской епархии. Галичская десятина с пригороды. Вып. I. Кострома, 1895. – С. 301.
17. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Галичская десятина с пригороды. Вып. I. Кострома, 1895. – С. 16.
18. ГАКО. Ф. р-2028. Оп. 1. Д. 1122. Мельница ветряная, XX в. Деревня Зайцы. Октябрьский р-н.
19. Грабарь И. Э. История русского искусства. Том. I. Архитектура. – М.: Издание И. Кнебель, 1909. – С. 272.
20. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. Вып. II. Кострома, 1900. – С. 77.
21. Орфинский В. П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследие. Выпуск 31. – М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1983. – С. 24.
22. Завада В. Т. О происхождении шатра в деревянных храмах украинского Полесья // Архитектурное наследие № 34. Преемственность и влияния в архитектуре народов СССР. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 135.
23. Георгиевская церковь. Фото нач. XX в. Костромской музей-заповедник. КМЗ КОК-8677.
24. Крестовоздвиженская церковь. Фото нач. XX в. Костромской музей-заповедник. КМЗ КОК-9718.
25. Павлинов А. М. История русской архитектуры. – М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерева, 1894. С. 211; Лукомский Г. К. Некоторые памятники церковной архитектуры Костромской губернии // Зодчий № 20. – СПб., 1916. – С. 190.; Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического общества. Том I. – М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1907. – С. 107-112; Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. – М.: Стройиздат, 1989. – С. 279-286.
26. Грабарь И. Э. История русского искусства. Том. I. Архитектура. – М.: Издание И. Кнебель, 1909. – С. 341, 352.
27. Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического общества. Том I. – М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1907. С. 111.
28. Пиляк С. А. Деревянные храмы северо-западного района Ивановской области / Информационная среда ВУЗа. Материалы XXI Международной научно-технической конференции. – Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2014. – С. 469.
29. Дунаев Б. И. Деревянное зодчество северо-востока Костромской губернии // Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического общества. VI том. – М.: Изд. Московского Археологического общества, 1915.
30. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195. Л. 6.
31. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. – Кострома: Губернская типография, 1911. – С. 380.
32. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. – Кострома: Губернская типография, 1911. – С. 385.
33. Кудряшов Е. В. О времени постройки церкви Спаса Преображения из с. Спас-Вежи Костромской области // Художественная культура Костромского края XVI-XIX вв. – Кострома: Комитет по охране и использованию историко-культурного наследия администрации Костромской области, 2004. – С. 55-57
34. Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Дерево и гармония: Образы деревянного зодчества России. – М.: Ополло, 1998. – С. 167.

Церковь Спаса-Преображения в селе Спас-Вежи. Фото нач. XX в.

Введенская церковь. Фото В.Н.Кларка. 1908 г.

М.Н. ГУРАРИ,
зам. председателя Совета Союза московских
архитекторов по градостроительному
развитию Москвы

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИТЕКТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ ДЕРЕВЯННОГО ЖИЛИЩА РУССКОГО СЕВЕРА

В прошлом посуду и мебель, сани и игрушки, дома и храмы, – все делали из дерева, оно сопровождало человека на его жизненном пути от деревянной люльки до домовины.¹ И протекала жизнь крестьянина в деревянной избе, удобной, теплой, красивой. Наиболее сохранившиеся образцы старинного жилища – это избы Русского Севера. Любуясь резьбой наличников и подзоров, силуэтом конька на крыше, зададимся вопросом: неужели приемы, выработанные народными зодчими, ушли в прошлое, и качества избы представляют только исторический интерес? Востребовано ли сегодня удобство такой планировки, так ли необходима надежная защита тепла, прочность конструкций и еще многое другое?

Посмотрим для начала, как в северных избах защищались от тепловых потерь. Наружные стены рубили из бревен больших диаметров, подгоняя их друг к другу в продольных пазах и угловых пересечениях, потом укладывали в пазы мох для утепления и поглощения влаги. Крытый двор, хозяйственные помещения пристраивали к жилой избе со стороны холодных ветров – «брусом» (с тыла, по основной оси) или «глаголем» (сбоку). Большой объем сеней защищал вход в избу. В Заонежье довелось мне когда-то ночевать в доме с двухэтажными сенями, с внутренней лестницей, а сам вход в отапливаемое жилье устроили на верхнем уровне сеней. Холодный воздух остается внизу, согласно всем известным законам физики. А у самого входа ставили печь, создавая тепловой заслон. Вот так просто решается тепловая защита. И не надо дополнительных установок для отопления, значит – нет излишних затрат энергии. Компактный объем отапливаемого жилья, надежная защита входа

наблюдается повсеместно, во всех видах народного жилища, где человек использовал огонь. Не устарели такие приемы и сегодня, когда в мире из-за топлива уже ведутся войны? Вот современный проект – победитель всероссийского конкурса на энергоэффективное жилище.² Вместо сеней на входе предусмотрен тамбурок глубиной 80 см, хотя даже по экономным нормам советского периода наименьшая глубина тамбура – 1,2 метра. Тепловой контур дома изрезан, число углов, балконных дверей, ориентация входов и окон приняты без какого-либо учета сохранения тепла. При такой планировке уже нет смысла тратиться на усиленную теплоизоляцию стен.

Изба не единственное жилое помещение. Деревянный дом с древнейших времен состоял из трех частей. «А во дворе хором: изба, да клеть, да сени» – записано в писцовых книгах 16 века.³ Изба служила для зимнего жилья, в клети хранили вещи, а сени связывали все части дома. При этом каждая часть была многофункциональной, что позволяло снимать нагрузку со сравнительно небольшого отапливаемого объема. Василий Белов в очерках о крестьянском быте рассказывает, с каким нетерпением к концу зимы ожидала вся семья переезда из зимней избы в просторные летние помещения.⁴ На Печоре в сенях летом спали, по случаю устраивали пиры да свадьбы. Делали сени просторными и парадными. В свадебном причитании пели:

*Станем мы да в новы сени
В новы сени да во холодные
На гладкие полы да на еловые
На часты мелки да перекладинки*

Мы отворим двери да на пяту...

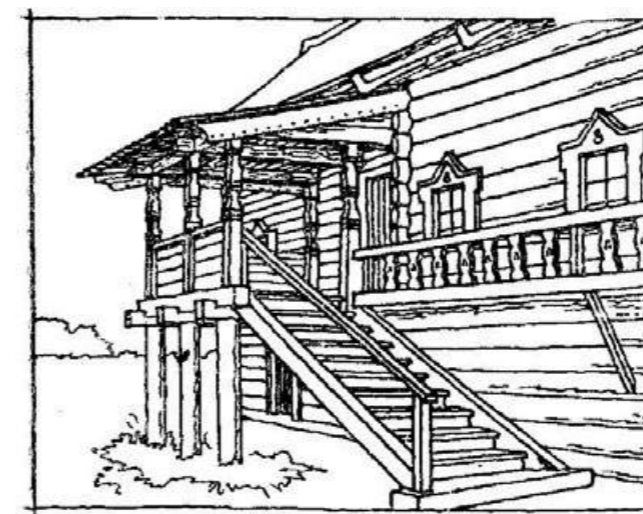
(то есть распахнем их настезь).

«Красные» «косячатые» окна (т.е. красивые, большие, обрамленные косяками) впервые появились в сенях, их превращали в летнюю галерею, что было признаком зажиточности хозяев.

*Построены терема высокие
Просечены окна косячатые
И поставлены колоды белодубовы.⁵*

В клети устраивали дополнительную жилую горницу. Обширную поветь над двором использовали не только для запасов корма, там устраивали посиделки, водили хороводы, в теплое время играли свадьбы. Прямо на поветь по взвозу заезжал поезд с женихом.

...Вернемся в избу, посмотрим, как устроено естественное освещение. Основное жилое пространство выходит окнами на главный фасад, на солнечную сторону. Окна в боковой стене освещают зону у печи. Через них хозяйка видела вход, улицу, детей, играющих у крыльца. Солнце старались подольше «задержать» в избе, поскольку зимой дома пряли, чинили сети, занимались поделками. Освещенность в избах приближается к показателю 1:8, близко к нашим нормам. Но свет распределен равномернее,

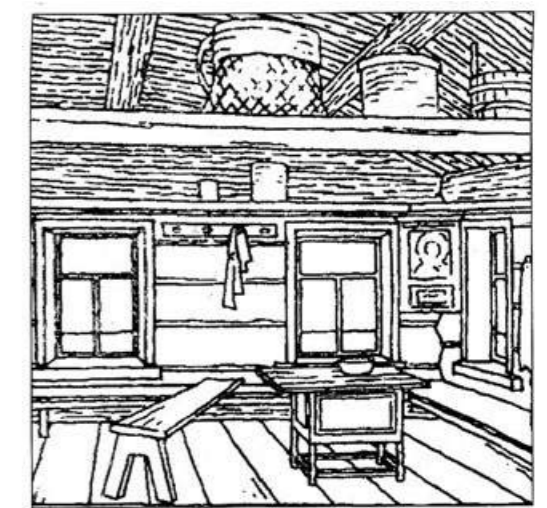

Крыльцо дома крестьянина Елизарова из дер. Середка. Карелия. 1880 г.

при угловом освещении нет глухих теней, темных простенков. Меньше скапливается темнота в углах, их закругляли специальным топором, дополнительно защищая от промерзания и сырости. Мебель, утварь, люди в интерьере избы, особенно в зоне красного угла, как бы облекались световыми лучами с разных сторон.

В течение дня, особенно утром и вечером, при угловом размещении окон, когда свет с разных сторон меняется, возникает особое ощущение «окружения» избы внешним пространством. Современный архитектор также пытается связать интерьер с зачастую излишним для нашего климата остеклением, большим числом балконных дверей. А при угловом освещении, даже незначительном, все наружное пространство в нашем воображении облегает жилье как композиционный центр мироздания. Ощущение связи с внешним миром усиливается формой бревен, открытых для восприятия и внутри и снаружи. А красный угол открывает взору человека как бы окошко в мир горний, обращает его к вечности, к космосу, мирозданию.

В избе все рационально и просто: широкие лавки вдоль бревенчатых стен, над окнами, на высоте протянутой руки полки-надлавночницы, обеденный стол в красном углу и, как правило, по диагонали, у входа, огромная печь, источник тепла и уюта. Деление на комнаты появи-

Внутренний вид курной избы.
Дом крестьянина Полуянова в дер. Гарь
Архангельской обл. Конец XIX в.

лось позднее, лишь у печи обособливали хозяйственную зону, иногда отделяемую невысокой перегородкой («шомнуша» или «бабий кут»). Дети обычно спали в закуте за печкой, подрастающим отводили отдельную горницу, светелку – «вышку». Вечером всей семье хватало места в общем пространстве. Сезонная заготовка продуктов, зимние рукоделия и промыслы, посиделки, праздники – все было взаимосвязано. В круговороте жизненных дел воспитывалось новое поколение. Вот зарисовка из рассказа Виктора Астафьева «Осенние грусти и радости» – о заготовке на зиму капусты. Кадушки выпарены, приготовлены, в избу собираются женщины со всей деревни, с песнями и прибаутками начинают рубить кочаны и укладывать в кадушки. Тут же крутятся ребятишки, старшие помогают. Из дома в дом переходит эстафета этого действия – и рабочего, и праздничного, своеобразного осеннего фестиваля.⁶ Такой стихийный, первичный синкретизм, казалось бы разнородных действий, пронизывает всю жизнедеятельность крестьянина, его мышление, и, соответственно, построение его жилища.

Совсем иначе организуют пространство в сельском доме современные зодчие. Кажется, все понимают: кухня – главное хозяйственное помещение, оно постоянно связано с сеньями, кладовыми, помещениями для скота, с огородом и садом. Но во многих конкурсных проектах кухня – самое дальнее от входа помещение, иногда даже в темном закутке, а общее кухонно-жилое пространство разделяется лестницей.⁷ Собраться за трапезой всей семье практически негде, нет цельной жилой сферы. Не зря один американский архитектор утверждал, что легко построить дом, в котором семья вскоре распадется. А именно семья – начальная, исходная единица в крестьянской жизни, не зря ранее она имела утраченный ныне статус «малой церкви».

В старых избах идея центрированной жилой сферы прочитывается даже в решении потолка. В курных избах, а их строили вплоть до XX века, потолок для сбора дыма устраивался в форме свода (потом дым выпускали через дымник или он «выволакивался» через дымоволочное окошко) Ощущение глубины перекрытия над головой сохранилось и при топке «по-белому» благодаря

пластике массивной матицы, главной балки, скрепляющей стены избы и служащей опорой для досок потолка. Недаром Сергей Есенин уподоблял матицу Млечному Пути, потолок называл сводом небесным, а красный угол – зарей. Символика свода, балок, резных орнаментов уточняет древнейшую исходную идею жилища как Храма, созданного человеком, – модели мира наружного, сотворенного Богом, со сводом-небом над головой и очагом посреди. Николай Клюев: «Изда – святилище земли с запечной тайною и раем».⁸ Сергей Есенин пишет о «храме-избе, совершающем литургию миру и человеку...», о «мудрости избяных заповедей». «Мы заставили жить и молиться вокруг себя все предметы».⁹ Цельное одухотворенное жилое пространство – с этого начинается архитектура жилища.

Тема главного жилого пространства определяет и решение фасадов. Пол избы поднимали над подклетом – «подизбицей» – повыше, подальше от снега, от сырости, поэтому жилой этаж с нарядными наличниками окон как бы парит над землей. Идея свода-неба уточняется в резьбе фасадных подзоров, лобовых досок – «причелин», «полотенца» близ конька. А сам «... на кровле конек есть знак молчаливый, что путь наш далек» (Н. Клюев).¹⁰ «Крыша олицетворяет объединение всех живущих под единым началом (отсюда пошли такие образные выражения как «отчий кров», «жить под одной крышей»)». Эта общность наложит отпечаток на культуру христианской эпохи. В соответствии с нею будет восприниматься христианский идеал соборности, до какой-то степени локализуясь и конкретизируясь в рамках города, княжества, всей Руси... Связь крыши с космическим верхом подчеркивается солярной семантикой: левый край кровли – восходящее утреннее солнце; верхний – конек, полотенец – полуденное солнце в зените; правый край кровли – вечернее заходящее солнце.¹¹ Украшенность, возрастающая с высотой к фронтону и кровле, усиливает чувство легкости, воспарения. Отсюда известное правило – «красота в верхах»: в небе, в освобожденном от тяжести воздушном пространстве. Знатоки русской старины И.Е. Забелин писал: «...по понятиям древности первая красота здания заключается в его покрытии, в

его кровле».¹² По такому принципу создавалось все богатство завершений деревянных построек, от амбаров до храмового ансамбля в Кижях.

Природное чувство целостности формы, характерное для народного творчества, в немалой степени сегодня утрачено. Например, плотник, создавший избу, никак не мог бы в срубе, симметрично покрытом двускатной кровлей, углубить половину главного фасада. А для современного архитектора ничего не стоит заранее разбить плоскость главного фасада, вставить в заглубленную половину террасу. Такое решение даже рекламируется в интернете с портретами авторов. Но ведь фасад по антропоморфным повериям, идущим из древности, но сохранившимися до сего дня – это «чело» дома, недаром, к примеру, лобовые доски зовутся «причелинами». Представим чело человека, у которого одна половина лица углублена по сравнению с половиной другой. Авторы подобной «хирургии», зодчие дипломированные и лицензированные, даже не задумываются, что за композиция у них получается.

Обратим теперь внимание на входную зону. Середину трехчастной постройки занимали сени, к ним примыкало крыльцо, обычно сбоку от главного фасада. Вход удобно связывался и с улицей и с огородом. На крыльце отдыхали взрослые, играли дети, сюда торжественно поднимались гости, это был серьезный ритуал.

*«Ты позволь-косье, хозяин, до двора дойти,
до ворот дойти – на красно крыльцо зайти.
На красно крыльцо зайти – за колецко взять,
ворота отворить – по новым сеням пройти.
По новым сеням пройти – в нову
горницу зайти,
Прямя матицы встать – Виноградие спеть»».¹³*

Обжитое пространство крыльца выделялось тонкой резьбой подзоров, стоек, ограждений. В контрасте с мощными бревнами стен это очеркивало его условные границы. Так складывалась самостоятельная архитектурная тема входа, своеобразная увертюра к восприятию внутреннего пространства.

Естественно сложившийся прием размещения крыльца дал много преимуществ. Стало возможным обратить оконный фронт общего

жилого помещения в сторону солнца, озера, реки, к общинному пространству улицы. Проходя по деревенской улице, можно заметить, что застройка не замыкает ее. Массивы изб с нацеленными на дорогу коньками чередуются с дальними просветами – до реки, леса, до горизонта.

«Чутье северянина не обманывает его, когда он удачно расположенной деревней, домом, часовней, церковью, а то и просто крестом как бы отмечает центральную точку и побочные центры, вокруг которых смыкается или собирает себя все многообразие природы» – писал композитор Б. Асафьев.¹⁴ Добавим, о чем он тогда, в 1928 году, не мог сказать: кресты, часовни, храмы не только композиционно собирали, осмысленно структурировали окружающий ландшафт, но и освящали его. А каждый огромный дом-комплекс, свободно плывущий в пространстве, напоминая корабль, своего рода освященный ковчег, населенный животными и людьми – покорителями северных просторов.

Найденный, отработанный поколениями стереотип жилья обеспечивал высокое качество пространственного строения избы, независимо от ее размеров, числа украшений, богатства хозяина. Единая композиция прочитывается и в избышке старушки-бобылки, в два окошка на фасаде, и в огромном доме-дворце в Кижях, принадлежавшем большой семье богатого крестьянина Ошевнева. Архитектура избы складывалась коллективно, подобно народному фольклору, и закреплялась в наборе излюбленных приемов. Этим гарантировался достаточный «средний архитектурный уровень». Притом одаренный мастер, используя излюбленные приемы, что-то улучшал, развивал традицию, менее одаренный на нее опирался. К тому же один работал с хорошим настроением, другой, скажем, чем-то был озабочен, или просто погода была ненастная – и к работе прибавлялся необходимый для искусства элемент – случайность. Потому-то не было в прошлом столь навязчивой унификации зданий. В старинных деревнях избы как человеческие лица – построены вроде одинаково, но ни одного абсолютно похожего, все неповторимы «лица необщим выраженьем».

В народном зодчестве не было разделения на архитектуру столичную и провинциальную.

Были различия – скорее по регионам, но связаны они с природными, а еще больше с историческими факторами. Русский Север не испытывал частых разорений от набегов южных соседей, там сложились благоприятные условия для накопления мастерства. И.Э. Грабарь писал, что «на Севере... были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства».¹⁵ Архитектурные шедевры Русского Севера располагаются в сотнях верст от официальных культурных центров, в фокусных точках распространенного на севере погостного расселения. Александр Викторович Ополонников заметил, что «церковь Успения в Кондопоге (XVIII в.) – это альфа и омега деревянного зодчества»,¹⁶ она строилась северными плотниками как прощальный аккорд, как последнее воплощение своего, народного творчества, отличного от господской архитектуры набравшего тогда силу столичного Петербурга.

Удивительно совершенная культура северной избы, высокое архитектурное искусство ее коллективного автора отражают, по нашему предположению, общий уровень древнерусского зодчества, счастливо сохранившийся, как в заповеднике, в северном краю. Прибавим отсутствие многих негативных факторов, господствующих южнее: «Русский Север – это те окраинные земли России, которые были наименее изувечены и крепостничеством, и бюрократией».¹⁷ Ясность осевых построек, гармония соотношений объемов, разнообразие и одновременно строгая тектоничность пластики деталей ставят в один ряд, по-моему, произведения северных плотников с храмовыми постройками античной Греции. Отметим, что случаи плодотворного взаимодействия с античной культурой в истории Руси были неоднократны. К примеру, с приходом христианства – через византийскую культуру. Конечно, можно говорить не о прямом влиянии архитектурных приемов, а о косвенном воздействии на построение композиции жизненного пространства, которое проистекает из общих принципов религиозного мировоззрения, соединяясь с естественным, природным чувством гармонии северного крестьянина. Этим никак не отвергается первичность, оригинальность произведений северного

зодчества, но лишней раз подтверждается творческая синтетичность как специфическая цивилизационная черта развивающейся во времени русской культуры.

Влияние соседей по широте, на наш взгляд, менее выражено. Скорее наоборот, в музее-заповеднике норвежского Тронхейма, связи с которым русских поморов и купцов общеизвестны, интерьеры жилых домов с росписями сделаны, по мнению местных экскурсоводов, под влиянием русского деревянного зодчества.

Простота и разумность архитектурно-конструктивной структуры избы определили ее долгую жизнь. Изба отвечала тогдашней системе неразрывно связанных религиозных, эстетических, этических представлений крестьянина. В пространстве северного дома, в просторах его помещений, окруженных полями, лесами, озерами, вокруг начинаешь ощущать покой и гармонию – душевное состояние тех, кто здесь строил, хозяйствовал, жил, в ладу с природой, с Богом, с самим собой. В известном в 80-е годы романе «Дом» Федора Абрамова, писателя эпического склада, своего рода Шолохова для Русского Севера, рассказывается, как жители северной деревни пытаются спасти от распродажи по частям большой семейный дом. Старый крестьянин, укоряя того легковесного человека, что затеял распродажу, говорит ему: «Главный дом человек у себя в душе строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет...».¹⁸ Цельное, ясное строение дома отождествляется с душевным строем его обитателей. Многие типы нынешнего семейного жилища своей раздробленностью, запутанной общей композицией, разностильем оформления отражают состояние души ныне живущих, их разобщенность, разорванность мышления, угнетенность духа. Но не только отражают, но ежедневно, ежечасно и воспроизводят.

Найдем ли мы такие решения жилых сельских домов, которые помогут, в числе целого ряда других факторов, возродить сложившийся веками столь высокий социокультурный потенциал, воплощенный в архитектуре крестьянского жилища Русского Севера? Такой поиск подчас заменяется подражанием архитектуре, созданной для совершенно других природных и этни-

ческих регионов, в рамках иных цивилизаций. Есть ли ответ даже на самые простые, казалось бы, вопросы: как спроектировать сельский дом, чтобы удобно вести в нем хозяйство, растить и воспитывать детей, собираться всей семьей, как надежно защитить дом от холодов и осадков и т.п. Опыт северных древоделов поможет в этом поиске.

Примечания

1. Ополонников А.В. Русское деревянное зодчество. – М., 1983. – С.5
2. Конкурс СА России 2012 г. см. <http://www/mks-mg.ru/gasp.html> О III Всероссийском конгрессе НАМИКС по малоэтажному... ecovast.ru/images/2010/congress.pdf
3. Цит. по кн.: Мильчик М., Ушаков Ю. Деревянная архитектура Русского Севера.- Л., 1981.- С.13.
4. Белов В. ЛАД. Очерки о народной эстетике. – М., 1978.
5. Цит. по кн.: Ланге Б. Деревянный дом от мала до велика. – М., 1998. – С.7.
6. Астафьев В. Конь с розовой гривой. Изд. «Детская литература». – М. 1972. – С.157.
7. Конкурс СА России 2012 г. См. <http://www/mks-mg.ru/gasp.html> О III Всероссийском конгрессе НАМИКС по малоэтажному... ecovast.ru/images/2010/congress.pdf

8. Клюев Н. Песнослов. – Петрозаводск. 1990. – С. 88.
9. С. А. Есенин. Ключи Марии. ilibrary.ru Текст произведения. Источник: С. А. Есенин. Собрание сочинений. Том 4. - М: Художественная литература, 1967.
10. Клюев Н. Цит. по С. А. Есенин. Ключи Марии. ilibrary.ru Текст произведения. Источник: С. А. Есенин. Собрание сочинений. Том 4. – М: Художественная литература, 1967.
11. Красноперова А.В. Символика крестьянского быта в культуре Древней Руси. -<http://www.lostcivilization.info/refoteka.ru/g-78935.html>
12. Забелин И. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. Русское искусство. – М., 1900. – С. 70
13. Цит. по vevivi.ru/best/Analiz-kolyadki-ref179145.html Анализ колядки
14. Асафьев Б. Крестьянское искусство Севера. – Л., 1928. – С.16
15. Грабарь И. История русского искусства. Т. 1. – М., 1910.
16. Это А.В. Ополонников рассказал мне на о. Кижы во время реставрации ц. Воскресения Лазаря.
17. Махнач В. Русский север: мир и дух. Мир Урании // urania-articles_798.html Библиотека Журнал Урания Библиотека 1996/?curPos.... Урания №6-96.
18. Абрамов Ф. Дом. Роман-газета. №6 (892). – М., 1980. – С. 48

Костромской музей деревянного зодчества.
На первом плане – дом Цыпелёва, на втором – дом Лоховой. 1979 г. Фото автора.

*Е.А. НОВИКОВ,
научный сотрудник
Музея-заповедника «Костромская слобода»*

ЛОЗОПЛЕТЕНИЕ: ОТ РЕМЕСЛА К МАСТЕРСТВУ

Плетение из ивового прута – одно из древнейших занятий человека. Появляется оно ещё в эпоху неолита, задолго до обработки дерева и металла, примерно в одно время с изготовлением керамических изделий. Это обусловлено наличием большого количества природного материала во всех местах обитания человека. Древние люди изготавливали из прута корзины, сосуды, орудия для ловли рыбы и даже части своих жилищ. Плетёные изделия были известны и в Древнем Египте, и в Древнем Риме, продолжали использоваться и в Средние Века, и в эпоху Возрождения, постепенно приобретая новые формы, совершенствуясь и находя своё применение в быту.

Плетение ивового прута было широко распространено и на территории России. Традиционными изделиями на протяжении многих лет в нашей стране были различные вещи, используемые в крестьянском быту (корзины, снасти для ловли рыбы – верши, мерёжи, плетёные изгороди, более характерные для южных губерний и др.), а также предметы мебели. В России «в 1920 году был выпущен каталог, который предлагал тщательно разработанные формы книжных полок, кресел, столов, шестиместных скамей и пр.»¹.

Лозоплетение входило в ряд многочисленных промыслов и занятий, распространённых на территории Костромского края. В натуральном крестьянском хозяйстве практически все природные материалы находили свое применение. Кусты ивняка по берегам рек и водоемов были незаменимым подспорьем в ремесленной деятельности крестьянина. Тонкие гибкие прутья ивы умелыми руками мастера переплетались и превращались в массу полезных в хозяйстве вещей и предметов. Короба и сундуки, детские зыбки и санки, бесчисленные корзинки

Промыслы и ремёсла

для сбора и хранения овощей, грибов и ягод, оплетенные каркасы для стеклянных бутылей, изгороди и сетки для ловли рыбы – всего не перечислишь, из чего складывалась бытовая обстановка крестьянского хозяйства и подворья.

Первые десятилетия советской власти связаны с коллективизацией промыслов. В Костромском крае «промыслы послужили базой формирования мелкой кустарной промышленности»². Крестьяне Костромской области организовывали артели по плетению из ивового прута. По данному ремеслу специализировались даже отдельные деревни. Известно, что плетением корзин разных размеров, мебели и другого рода товаров занимались в деревне Трубинка Красносельского района. Промысел этот был развит настолько, что мастера выезжали в другие деревни для заработков, порой за многие километры от дома. Один из ремесленников в письме, датированном 14 ноября 1931 года, описывает быт мастера того времени, а также некоторые особенности ремесла. (Орфография оригинала сохранена). «Собщаю вам, что мы живем хорошо, работаем корзины, уже как приехали, сплели 100 шт. на 70 руб. и получили 5 метров мануфактуры, вобщем, работать можно на всем готовым, знаем только сходить в коперацию за продовольствием и за лошадьми для подвозки прутьев. Путьев я уже нарубил сот на шесть (на 600 шт.) а вот замерзнет река, тогда можно сколько угодно таловых нарубить, все условия работы хорошия, с моей стороны считаю хотя в деревне будет и повыше расценка на корзины но знаешь сам что много и расхода что бы содержать мне лошадь; а иначе безлошадя я не привык, знаешь любител и покатайся...»³. Также в данном письме сообщаются и расценки на готовую продукцию: «заработать можно хорошо на белых корзинах очень много заказу, 3 руб. чемодан, по больше корзина белая 5 руб. У меня Манька одна днем заработала 8руб. 50 коп...»⁴. Таким образом, ремесло продолжает развиваться, секреты его сохраня-

ются и передаются из поколения в поколение, а одни мастера сменяются другими.

Ещё в советское время плетением из ивового прута стали заниматься отец и сын Михайловы – Фёдор и Александр. Потомки Героя труда 1930-х годов Фёдора Ивановича Михайлова, чьим именем была названа на заводе «Рабочий металлист» денежная премия трём лучшим производственникам года, они и сами всю свою жизнь проработали на этом заводе, продолжая династию рабочих. Увлечение плетением началось с банального отсутствия корзины для похода за грибами. Со временем отец и сын Михайловы достигли такого уровня, что их работы были отмечены на ВДНХ СССР, где они стали лауреатами. Изделия костромичей заказывали себе жители Москвы, Самары, Архангельска, других городов Союза. Высокий уровень мастерства отмечали и гости из Соединённых Штатов Америки. На фотографии представлены изделия мастеров, в том числе и плетеное кресло из фондов музея-заповедника «Костромская слобода».

В 1995 году, после распада Советского Союза, в жизнь костромских ремесленников стали проникать «капиталистические элементы». Так, например, в 1995 году у Александра Михайлова заказывала плетёные подносы костромская производственно-коммерческая фирма «ВАСКУН» (занималась производством хлебобулочных изделий, розничной торговлей, транспортировкой грузов, ремонтом бытовых изделий и предметов личного пользования;

Ф.Ф. и А.Ф. Михайловы и их изделия.

прекратила своё существование в 2012 году – прим. автора).

Как и у любого мастера у А.Ф. Михайлова были и свои ученики. «Я в политехническом колледже веду курсы, сейчас в доме офицеров набирается группа. Приходят безработные сначала, а потом люди увлекаются. Дети мои мне помогают немного»⁵. Именно таким образом в современных условиях проходит передача умений от мастера к ученикам.

Другом семьи Михайловых являлся ещё один мастер по плетению из ивового прута – Пётр Константинович Лебецкий, участник партизанского движения в Западной Белоруссии, чьи произведения также присутствуют в фондах музея-заповедника «Костромская слобода». «Поначалу он плёл оригинальные, но весьма простые корзинки, а потом, с помощью друга Ф.Ф. Михайлова, научился настоящему художественному плетению. Стал участником выставок. Несколько его работ «уехали» за границу: в Америку и в Австрию. Есть у Петра Константиновича ученики»⁶. Среди изделий

П.К. Лебецкий.

автора можно найти оригинальные полочки для телефона, цветочницы, узорчатые панно и корзинки особой «белорусской» формы.

В 90-е годы XX века количество мастеров плетения из ивового прута в Костромской области увеличивается. Это обусловлено тем, что в связи со сложной экономической обстановкой в стране многие жители города лишались работы и искали другие способы заработка. Взоры некоторых из них обратились к народному ремеслу – лозоплетению. Газета «Северная правда» описывает один из типичных примеров тех лет. «Костромички Ирина и Елена начали заниматься плетением три с половиной года назад (1996 – прим. автора)... Организа-

В. Бесчастнов.

ция, в которой они работали, перестала существовать, и они стали безработными... Поэтому, когда узнали, что центр научно-технического творчества молодёжи набирает группу на курсы переквалификации, решили попробовать»⁷. Преподавателем лозоплетения в центре научно-технического творчества молодёжи был уже известный на тот момент мастер Виктор Павлович Осипов.

Похожую историю в личной беседе рассказывал ещё один костромской мастер – М.Л. Кондырев, в прошлом работник костромского аэропорта, пилот гражданской авиации. Когда в 1990-е годы стало туго с деньгами, вместе со своим коллегой Ю.А. Едуновым он стал заниматься плетением из ивового прута, что давало дополнительный доход. Со временем их мастерство совершенствовалось: Михаил Леонидович занимается плетением мебели, хозяйственных принадлежностей, предметов интерьера. В фондах музея-заповедника «Костромская слобода» его авторству принадлежат плетёные санки, коньки, бра с плетёным абажуром.

Костромские мастера зарабатывают своим ремеслом различными способами. Это и изготовление изделий на заказ. Например, Игорь Гаранович, специализирующийся на плетении мебели, в 1993 году продавал свои изделия по 150 000 рублей⁸ (10 500 рублей по современному курсу доллара – прим. автора). Позднее, в конце 1990-х – начале 2000-х, мастер сдавал свои изделия в магазин костромской «Народные промыслы», продолжая работать на заказ и работая заведующим столярным цехом в театре под руководством Б.И. Голодницкого.

Что касается техники плетения и заготовки материала, то современные мастера используют те же способы и приёмы, что и раньше. «Всё начинается с заготовки материала. А это начинается, когда опадают листья, чтобы не вредить дереву. Да зимняя заготовка и ценится гораздо больше. Хоть и тяжело бродить по лесу по пояс в снегу. Зато сокодвижение прекращается, дерево становится более прочным. За сезон я собираю около ста мешков дерева. Второй этап – это обработка. Ива может храниться практически

вечно, если с неё снять шкуру, выварить. Я это делаю в специальном барабане. Часа три дерево стоит в кипятке, после чего шкура слезает. Дальше, для того, чтобы привести иву в боеспособное состояние, достаточно лишь вымочить её в воде. И можно работать»⁹. Примерно тем же способом иву заготавливает и А.Ф. Михайлов. «Заготавливать надо с осени, после того, как листва опадёт. После того, как наберёшь, нужно запарить в кипятке на 3-4 часа, чтобы цвет дала, очистить – и готова к работе»¹⁰. Для заготовки прутьев мастера используют различные инструменты – ножи, сделанные на заказ, и даже медицинские скальпели. Современные возможности позволяют выполнить заготовку и хранение прута более качественно.

Непосредственно на плетение изделия уходит не так много времени. Больше тратится именно на заготовку прута. В. Бесчастнов, чьи изделия тоже представлены в фондах музея-заповедника «Костромская слобода», в интервью газете «Костромские ведомости» рассказывает: «Заплетсти быстро – часа два, долго прут заготавливать: срезать, очистить, запарить, снова очистить»¹¹.

В сентябре 2015 года в выставочном зале Музея природы Костромской области работала выставка, посвящённая ремеслу плетения из ивового прута «Плетёные истории», которую совместно с Музеем природы организовал музей-заповедник «Костромская слобода» в рамках областного фестиваля «Бабье лето». На выставке экспонировалось несколько десятков предметов из фондов музея-заповедника уже упомянутых выше современных мастеров. Их произведения свидетельствуют о широких возможностях этого природного материала.

Ассортимент плетёных изделий современных мастеров весьма разнообразен. В нём присутствуют как классические корзины и другие хозяйственные вещи, так и эксклюзивные авторские произведения: абажуры, подносы, рамы для зеркал, домики для кошек и др. Современные мастера традиционную многолетнюю народную основу сочетают с использованием современных возможностей новых техно-

логий и материалов. Таким образом, ремесло плетения из ивового прута продолжает трансформироваться и приобретать новые черты, и в то же время остаётся народным ремеслом.

Примечания

1. Лозоплетение // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/105859>
2. Смурова О.В. Развитие кустарно-промысловой системы и её роль в обслуживании бытовых нужд жителей сёл и деревень (начало – 60-е гг. XX в.) // Народные ремёсла и промыслы Костромского края – вчера, сегодня, завтра (материалы конференции). – Кострома, 1993.
3. Письмо из личного архива автора.
4. Там же.
5. «Руки делают, а голова удивляется»: мастера / бесед. Н. Муренин // Эковестник: Око. – 1995. 5-14 ноября.
6. Увлечённость // Костромской край. – 1994. – 29 ноября. – С.3.
7. Певцова Л. Эксклюзивная шляпка от Ирины, новомодная сумочка от Елены: моё второе я // Северная правда. – 1999. – 16 декабря. – С.5.
8. Кариус И. Вольный скаут Игорь Гаранович: хобби-клуб // Молодёжная линия. – 1993. – 20 августа. – С.6.
9. Игорь Гаранович: «Один заказчик попросил меня сплести ему гроб»: увлечения / бесед. А. Меньшиков // Северная правда. – 2005. – 24 августа. – С.25.
10. «Руки делают, а голова удивляется»: мастера / бесед. Н. Муренин // Эковестник: Око. – 1995. 5-14 ноября.
11. С днём рождения, Кострома! // Костромские ведомости. – 2008 – 26 августа – 1 сентября. – С.6.

Н. ЗАВЬЯЛОВА,
зав. Кологривским филиалом КГИА и ХМЗ

ОБЫЧАИ ДЕРЕВНИ КОПЬЕВО

Плывет, плывет над лугами, лесами, полями и рекой моего детства голос бабушки Натальи. И из глубокой дали доносится до меня, оставляя теплоту и отраду для моего сердца.

*«Лелю, лелю, лелю, лень,
В поле бегают олени,
Золотые рога,
Позолочена дуга.
Побегай-ка на луга...»*

«Лелю, лелю, лелю, лень...» – голос все тише, все печальнее, словно уплывает в далекие дали, зовя меня за собой. И я иду на зов, не желая подчиняться закону всепоглощающего времени. Да, оно в силах поглотить все, но не память о самом дорогом мне месте на земле – моей деревне.

Простор широких полей, засеянных рожью или ячменем. А за полями – деревня Копьево, расположилась она в излучине реки Понги на крутом ее берегу. Сама деревня упоминается в переписи 1616 года, тогда она была в составе Шишкилевской волости, входившей в обширное Галичское княжество, которое затем стало частью Московского государства.

Но история ее началась гораздо раньше. В X – XII веках начался массовый переход населения к оседлому образу жизни. Освоение северных районов нынешней Костромской области шло с двух сторон: с востока и юга. Поселенцы обоих потоков породнились друг с другом и щедро делились опытом земледелия и секретами ремесла.

Удивительно, но именно здесь особенно ярко это видно. Несколько столетий живут рядом (около 2 км) две деревни – Копьево и Церковное. Ремесленники из Копьева и земледельцы из Церковного. Они давно породнились, и только акающий, словно московский, говор всегда отличает жителей деревни Копьево от окающих жителей деревни Церковное. Из поколения в поколение передавалась дразнилка копьевских ребятишек:

Была такая жизнь

*«Цорковане-борковане городили огород.
Торокан перескочил, огород переломил...»*

- и нарочито окали, поддевая церковновский говорок. А те в сердцах замечали, что вы, мол, и вместо корова «карава» говорите.

Копьевские девчата предпочитали выходить замуж за панкратовских ребят, которые считались ближе им по своему происхождению. Здесь испокон веку занимались земледелием, охотой, рыбной ловлей и выделкой железа путем переработки болотной железной руды.

В деревне Копьево жили потомственные кузнецы, которые славились своим ремеслом далеко в округе. Сама деревня обязана своим названием таким вот умельцам. Здесь в Копьево ковалось оружие для защиты Отечества. Оружием копьевских мастеров были вооружены защитники крепости, построенной в 1521 – 1525 годах на правом, почти отвесном, берегу Унжи. Эта крепость (Старый Кологрив) находилась в 18 километрах от устья речки Понги. Построили ее, чтобы защититься от опустошительных набегов татар, которые грабили и жгли деревни. Копьевские

кузнецы ковали оружие и для полка народного ополчения Ивана Кологривца, который формировался на Стану (в 15 км от д. Копьево). Из Стана уходил этот полк в I-е Московское ополчение, среди воинов были и копьевские мужики.

Об этом красноречиво свидетельствуют остатки железных шлаков и глиняных труб (сопл) домниц и изделий из железа, найденных у деревень Бурдово, Глебово и Копьево. На добычу и обработку здесь руды указывают и «Описания Костромского наместничества», составленные Никитиным в 1792 году в геологическом обзоре.

Интересно то, что в деревне не было фамилии – Кузнецовы. Были: Русовы, Горбачевы, Талановы, Любимцевы, Куликовы, Немцевы, Ершovy, Беяевы, Травины, Сизовы, Михайловы, Кудрявцевы, Рыжовы, Зверевы, Скоропеловы, Соколовы. Но Кузнецовых не было. Зато было крепкое прозвище за некоторыми семьями – «Кузнец». Последнего, дядю Сашу Кузнеца, я хорошо помню. Среднего роста человек, коренастый с черными с проседью волосами, немного смуглый, очень немногословный, рассудительный, и во всем его облике чувствовалась степенность. Он и вправду был кузнецом. Его кузница стояла на луговине недалеко от самой деревни (метрах в 300), рядом с дорогой, которая вела в Панкратово.

Еще в деревне жила семья Ершовых, старую хозяйку звали Анна, но ее и детей все в деревне называли «Кузнеченковыми». Так и говорили: «К Анюте Кузнеченковой носили...». Знать, были в их роду кузнецы, потому и закрепилось плотно это прозвище за их родом.

В Копьеве жили великолепные столяры и плотники, по зимам, когда заканчивались сельскохозяйственные работы, уезжали они «на отстой» в Санкт-Петербург, где занимались своим ремеслом.

С тех далеких времен в Копьеве осталось место, где когда-то стояла Питеркина избышка. Но почему она так звалась, никто не знает. Говорят, что какой-то молодой плотник привез себе жену из Питера, да и оставил жить в Копьеве в маленькой избышке, а сам уехал обратно в Питер, да так и не вернулся. Может, правда, а может выдумка, но избышка-то была. Как и сама

деревня, которая насчитывала в 1907 году 32 избы и 188 жителей обоого полу.

С 1778 года указом Екатерины II Кологрив был выделен из Галичской провинции в самостоятельный уезд, и д. Копьево осталась в составе Кологривского уезда уже Турдиевской волости. В разное время ей владели разные люди. Среди них московский дьяк Леонтий Кудрявцев, а от него деревня переходила по семейному разделу. Затем владел Копьевым Василий Авраамович Лопухин, который приходился сыном Аврааму Илларионовичу Лопухину, брату первой жены Петра I.

Между двух деревень Церковное и Копьево была поставлена деревянная церковь Покрова, примерно на том же месте в 1828 году была построена каменная Покровская церковь. И стояла она среди золотых полей, словно белая птица-лебедь, плывущая по бескрайнему морю ржи. Рядом с церковью был погост, названный Покровским. Церковь была разрушена в 1945 – 1946 гг.

Местные жители церковь разрушать отказались, тогда заставили это сделать татар, высланных сюда из Крыма (время репрессий). Последним священнослужителем в Покровской церкви был отец Николай Груздев. Он не видел, как разрушали церковь, так как незадолго до этого за ним и его семьей приехал «черный воронок». Отец Николай чувствовал беду, за считанные часы до приезда машины он постучался в дом к своей прихожанке Евдокии Сергеевне Горбачевой (моей прабабушке). Трясущимися руками он передал ей самую ценную (конечно, не с материальной точки зрения) церковную утварь, библию, иконы. И среди предметов был крест, с которым отец Николай выходил к народу по большим праздникам, к нему прикладывалось ни одно поколение жителей этих двух деревень. Позже дочь Евдокии, Таисия, отдаст этот крест во вновь открывшуюся в Кологриве церковь. Это будет в начале 1990-х годов. А икона Богоматери из копьевской церкви как реликвия будет почитаться в их семье, переходя из поколения в поколение.

Отец Николай не доехал до места назначения, он скончался по дороге, не перенеся разлуки с местом, ставшим ему родным. В его доме

и доме его сына затем организовали школу, потом перевезли дом в Церковное и приспособили его под здание аэропорта. Дом священника, как и другие копьевские дома, был добротным, рубленным из хорошего леса. Под одной крышей у копьевцев было всё: и жилье, и хлев, и сеновал, и мастерская.

По лицу дома устраивалось чаще всего четыре окна – это дом-пятистенок. А на сеновале были горенки, где летом завешивали полога и спали. Самые большие семьи чаще всего состояли из трех поколений: старики, их дети-хозяйева и внуки. Зимой муж и жена спали на деревянной кровати в кути, что сразу от входной двери справа, тут же ставили и маленькую печку. Бабка и малые ребята располагались на печке, ребята постарше на полатах. Большие дети спали на лавках, к широкой лавке приставляли еще одну, стлали «подстилу» (подстилка, сделанная из мелких связанных между собой пучков ржи), затем все остальное, что нужно для отдыха. Этот процесс в Копьеве назывался «пристилаться». «Пристлались на лавках», – так это звучит из уст копьевской жительницы 1936 года рождения Нины Николаевны Соколовой.

Дед же спал на «гольбчике», в «переборке» (кухне) или на «западне» над подвалом. На повети (чердаке) висели банные веники, стоял ткацкий стан и другие вещи.

Но были избы и гораздо просторнее и богаче. Зажиточные крестьяне выстраивали хорошие двухэтажные дома, даже с цветными стеклами на веранде. Один такой дом до сих пор стоит в д. Копьево. Очень хорошо помню последнюю его хозяйку – бабушку Матрену Немцеву.

Гораздо позже, когда дом опустел и начал потихоньку разрушаться, я внимательно осмотрела его. Второй этаж – это типичная русская изба с пятистенком (горницей), правда, горница довольно широкая с большим совсем не деревенским окном, украшенным резными наличниками. А внутри горницы я обнаружила великолепный старинный диван, который затем перевезли в музей. Откуда был привезен этот диван? Может быть, из Солигалича, по действующему тогда старинному тракту. На первом этаже была довольно просторная комната, которая занимала половину дома. Там же имелась небольшая печь,

каким-то образом соединенная с печью на втором этаже. Вторая половина первого этажа – это подпол, где хранились запасы на зиму.

Нетипичным можно назвать еще один старый дом в деревне. Он был выстроен «на особинку». Отличался особой красотой резных наличников. Весь дом при всем своем наборе типичных крестьянских построек: горенок, светелок, – все-таки был необычным. Такой тип домов в нашем районе мне больше не встречался нигде, как и узор наличников. По всей вероятности мастер был выходцем из других мест и выполнял особый заказ хозяина. Снаружи и внутри дом был околочен вагонкой.

К 20-м годам XX века Копьево раскинулось по берегу реки Понги селением более чем в пять десятков домов. Понга – лесная таежная река с прозрачными родниковыми водами, и оттого и вода в реке холоднее, чем на Унже. По-марийски «Понга» обозначает «гриб». Может быть, потому, что росло их в этих прибрежных глухих лесах видимо-невидимо. Но сама река завораживает: то она быстрая и шумливая на перекатах, то спокойно позволяет смотреть в себя плакучим ивам и островерхим елям. На ее крутом берегу частым рядком расположились баньки, все они топят по-черному. В субботу хозяйки большую часть времени проводили там, железными щипцами вытаскивали из печи каленые камни и опускали их в кадки с водой, нагревая ее. Хоть рядом и был колодец с родниковой водой, но копьевские красавицы предпочитали голову мыть водой с реки Понги, особенно мягкими и рассыпчатыми становились тогда волосы.

Веками деревня была помощницей и опорой государству российскому. Ковали здесь оружие и возделывали поля, уходили ратниками на поля сражений, строили терема. И хочется все-таки верить, что когда-то это дорогое нам место снова возродится к новой жизни.

Примечания

В подготовке материала использована рукопись «Турдиевская волость» краеведа Петра Камайского, в 1940-е годы директора Кологривского краеведческого музея, а также материалы газеты «Кологривский край»: Дмитрий Белокуров. «Вот моя деревня», 1997 г.; Наталья Камайская. «Верхнеунженское заречье», номер от 11 сентября 2007 года.

В. И. СМЕРНОВ, Л. С. КИТИЦЫНА

РУССКОЕ УЗОРНОЕ ТКАНЬЕ

Костромские пояски

Среди художественных изделий русского народа своеобразный интерес представляет узорное тканье, недостаточно изученное. Оно сохранялось и держится еще в некоторых местах в виде «браных» тканей, «выкладок» или «узорок» на полотенцах и в виде узорных поясков. Эти последние и составляют предмет настоящего очерка.

При очень примитивной технике тканья узорные пояски Костромского района представляют собою очень высокие образцы изделий в орнаментальном и красочном отношении. Район наших наблюдений и сборов — деревни Которово, Слободка, Болталово, Скорбелка, Солониново, Царево, Шихордино, Молоково, Окулово (б. Башутинской и Бычихинской волостей). Коллекция Костромского музея из 25 штук поясков собрана в этих же деревнях, где особенно развито было узорное тканье. Местное название поясков — «тесемочки». Они употреблялись для подпоясывания сарафана.

Пояски ткали на «картах». Это квадратные дощечки с закругленными или срезанными углами. Карты бывают дубовые или картонные. Последние предварительно промасливаются молозивом, чтобы приобрести гладкость и большую прочность. Размеры карт колеблются от 5 до 8 см. Толщина их 1-2 мм. По четырем углам карта имеет круглые отверстия (до 3 мм в диаметре); в неё продеваются нити основы. Другое приспособление, необходимое при тканье, трепальце — деревянный дубовый нож около 20 см длиной, шириною 3-4 см.

Шерстяную основу для поясков сновали на лавке на два воткнутых в щель веретена. Затем эту основу разрезали и нити продевали в отверстия карт. Заправленная в карты основа привязывалась одним концом к гвоздю или к скобе двери, другим к поясу ткачихи. Разноцветная основа заправлялась так, чтобы верхние нити зева были одного цвета, а нижние — другого,

Из этнографического наследия

напр., верхние белые, нижние красные. В зев, образуемый верхним и нижним рядами нитей, ткачиха пропускала рукой нить утка и поворачивала карты обеими руками на $\frac{1}{4}$ оборота вперед. Благодаря этому движению, часть зева менялась: как внизу, так и вверху красные нити (в нашем примере) перемежались с белыми. Вновь пропускали уток и опять поворачивали карты на $\frac{1}{4}$ оборота вперед. Теперь наверху окажутся все красные нити, а внизу все белые. Третий раз повернутые на четверть оборота вперед карты дадут снова белые и красные нити вперемежку. Наконец, после четвертого поворота карт нити займут свое первоначальное место, т. е. белые будут сверху, красные внизу. Эти четыре стадии тканья изображены на рис. 1. Каждый раз после поворачивания карт ткачиха пропускала в зев уток и прибавляла его трепальцем. В результате получается ткань с чередующимися поперечными цветными полосками. Такие полоски наблюдаются обычно в конце поясков.

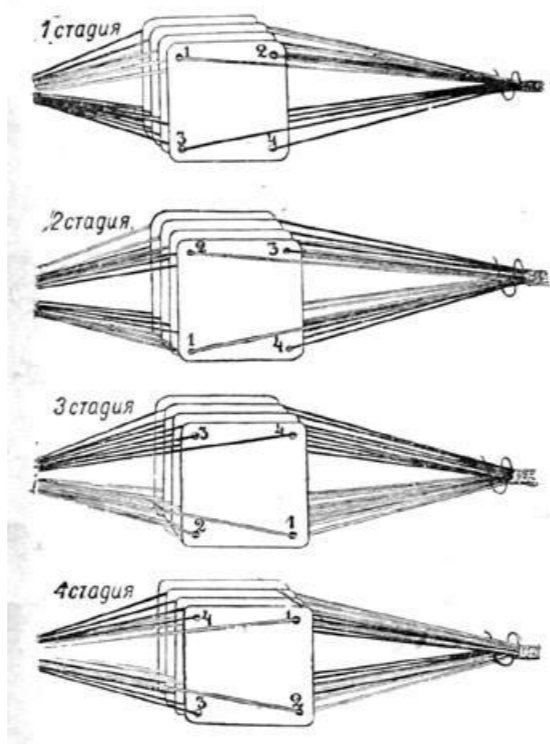

Рис. 1. Процесс тканья.

Когда таким образом поясок заткан, ткачиха начинает ткать одноцветное поле. Чтобы получить белое поле в нашем примере пояска, нужно после второго поворота карт (когда наверху окажутся красные, а внизу белые нити) «перебрать» карты, т. е. перевернуть каждую в отдельности так, чтобы белые нити поднялись кверху, а красные опустились вниз.

Для получения того или иного узора также перебирается часть карт, чтобы поднять кверху нужные для образования рисунка цветные нити или опустить другие. Таким образом, ткачихе приходится все время рассчитывать переборку карт, следить за получаемым узором и соображать, как дальше выводить его.

Пояс в два цвета встречается редко. Чаще наблюдаются пояски в три продольных ряда разной расцветки; ткали их также в четыре ряда и в два. Каждый ряд ткали на 10 картах. По краям прибавляли для образования каемки с каждой стороны по одной, по две, по три, по четыре карты, в одном случае — шесть. В двух поясках кайма развилась до ширины целого ряда. Самое большое количество карт, которое нам пришлось наблюдать, 44. Число карт и толщина нитей определяют ширину тесьмы.

Кроме орнамента обычно ткали на пояске слова. Тесемочки называли «однословками», когда слова текста расположены в одном ряду, и соответственно «двословками», «троесловками», «четырёхсловками».

Среди рассмотренных нами поясков встретились следующие цвета нитей: белый, черный, зеленый, голубой, желтый, красный, розовый, малиновый, лиловый. Чаще других встречаются: желтый цвет (32 раза), красный и белый (27), черный и зеленый (20), голубой (17); реже: малиновый (10), лиловый (9), розовый (2). В одном пояске встречается от двух до восьми цветов.

Рассматривая сочетание цвета узора и поля, наблюдаем, что наиболее часто встречаются такие пары: желтый и черный (15 раз), красный и белый (13), красный и зеленый (10), голубой и желтый (7), белый и голубой (5), красный и черный (4), зеленый и желтый (4), лиловый и

желтый (4). Не встречаются сочетания: белый с желтым, зеленый с голубым и лиловым, голубой с лиловым, желтый с красным, красный с малиновым и малиновый с лиловым. Черный не встречается с зеленым, с лиловым, с голубым и с малиновым.

При этом подсчете не принималась во внимание расцветка узких каемочек, которые нередко делаются иными цветами нитей, нежели пояс. Иногда кайма с одной стороны одного цвета, с другой — другого. Кайма в несколько нитей делалась разноцветной.

Выделяется группа поясков, по расцветке довольно однотонных, благодаря повторению в разных рядах одних и тех же пар цветов (напр.: черный — желтый, белый — красный, черный — желтый) или в сочетаниях более мягких тонов: голубой — желтый, белый — красный, голубой — желтый. Другая группа — с яркой резкой расцветкой, напр. в одном пояске сочетаются: желтый — лиловый, зеленый — малиновый, белый — голубой, черный — красный. Особо удачные цветовые гаммы в одном пояске: красный — зеленый, белый — малиновый; в другом — бледнолиловый и желтый; или красный — черный.

Размер поясков в длину колеблется от 107 до 143 см (без кистей). Ширина от 1 до 2 см. Последняя зависит, как мы уже сказали, от количества цветных рядов в основе.

Тесемочки на концах имеют кисти из разноцветной толстой шерсти. Для этого оставшиеся несотканными концы основы скручиваются в несколько прядей (от 3 до 7), которые обматываются шерстяной ниткой. Часто книзу пряди раздваиваются, иногда соединяются вновь, образуя таким образом решеточки. Между прядями горизонтальными рядами на проволочках или на нитях нанизываются стеклярус или бусинки. Такие украшенные проволочки располагаются прямыми или дугообразными линиями. Книзу решетка кисти расширяется, достигая иногда 9 см при длине в 5 см. На кончиках прядей прикрепляются кисточки длиной в 4—8 см. Скрепленные вместе эти кисточки образуют большую плоскую кисть шириной в самом

низу иногда до 20 см. Крайние пряди решетки бывают украшены маленькими кисточками или помпончиками. На концах тесемок выше кисти встречаются украшения в виде кольчика из бисера или кольчика из нити, обмотанной шерстью, или, наконец, нашитой шерстяной бахромы.

Небольшая группа тесемочек имеет иную форму кисти — без решетки, в виде трех отдельных кисточек.

Цвет кисти в большинстве случаев не совпадает с цветом нитей пояса. В общем, они очень пестры, что создается разноцветностью нитей решетки, стекляруса, бусин, помпончиков и самой кисти.

Самое примечательное в тканых на дощечках поясах их орнамент, но прежде чем перейти к анализу орнамента поясков, отметим широту распространения этого вида ткачества и глубокую древность самой техники тканья.

Тканые на картах пояски встречались еще на Печоре, на Мезени и Сев. Двине. В бассейне Сев. Двины и Пинеги пояски ткали также при помощи небольшого бёрда. К югу от бассейна Сев. Двины техника тканья поясков на дощечках известна в районе г. Вологды и г. Грязовца. Она встречается и южнее в Тульском крае и по верхней Оке — в Калужском и Рязанском краях, и в верховьях Десны — Брянском крае.¹ Техника эта прослежена также у мордвы, мари, чуваш, в Средней Азии, на Северном Кавказе — у осетин и в Грузии.

Есть известия, что искусство изготовления цветных лент при помощи дощечек, без применения ткацкого станка, существовало в древнем Вавилоне.² В датских находках, относящихся к бронзовому веку (второе тысячелетие до н. э.), встречаются ткани, выполненные на дощечках. В Национальном музее Копенгагена имеются деревянные карты, найденные в Ютландии, которые относятся к древнему железному веку. В корабле Осерберга эпохи викингов в Норвегии был найден весь прибор плетения на 52 дощечках. При раскопках близ виллы Лунд в Швеции в 1909 г. найдена была квадратная дощечка для тканья из кости. Ее размеры по ребру 4,8 см,

отверстие 1,5 мм. Вдоль краев вырезаны руны X в. н. э. Самый могильник относится к XIII в. Эпохе викингов принадлежат также плетеные пояски с ромбическим орнаментом, найденные близ Выборга у Данемарка.³

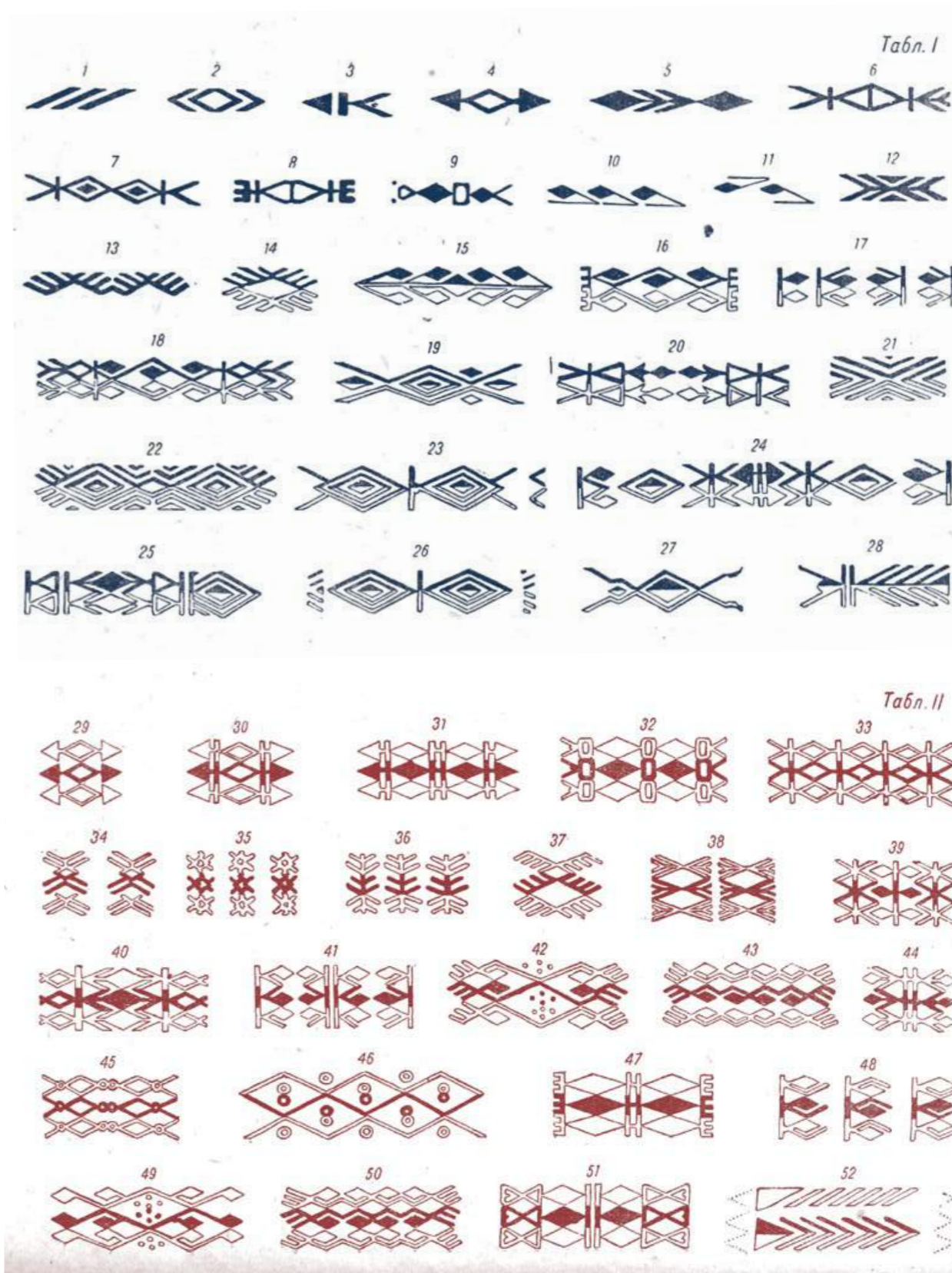
В Эстонии тканье на дощечках появляется уже в XIII в. Тканые при помощи дощечек пояса, каймы и дорожки, находящиеся в Эстонском национальном музее, принадлежат к очень древним видам рукоделия.⁴ Возраст некоторых из них определяется в 200 и в 300 лет.

II

Цветное поле отрезков, на которое делится пояс чередованием цветов, представляет собой разные фигуры, часто в виде вытянутых шестиугольников, иногда в виде трапеций или параллелограмов и многоугольников, наложенных друг на друга. Длина поля зависит от величины узора или заключенных в поле словах и колеблется от 1 до 10 см.

Репертуар орнаментов у ткачих далеко не одинаков. Бывает, что один пояс содержит около 20 разных орнаментальных рапортов. В то же время встречаются тесемочки, орнаментированные только одним узором, повторяющимся после каждого слова вытканного текста. В тех случаях, когда в пояске встречается несколько раз один и тот же узор, какой-либо закономерности в их чередовании не наблюдается. В качестве исключения можно указать лишь на то, что нередко ткачиха начинала тесемочку и кончала ее фигурой так называемого «ерша».

Орнаменты обычно ориентированы горизонтально. При этом в узоре выдерживается симметрия. Узоры рассчитаны на одну полосу и на две. Редко встречаем целую фигуру, рассчитанную на три цветных полосы поля. Чаще эти три полосы заполняются одним и тем же повторяющимся один под другим орнаментом (табл. II, 29, 31–33, 35, 38–41 и др.). Когда одна орнаментальная фигура занимает две, три или четыре полосы, различной расцветкой в полосках поля она пересекается на несколько

частей. На трехполосном поле рисунок строится часто так, что фигура расчленяется включением в среднюю полосу какого-нибудь иного орнаментального мотива (табл. III, 53, 75, табл. V, 115, 117) или ткется фигура, рассчитанная на две полосы, а третью занимает половина той же фигуры (табл. II, 34, 52, табл. III, 62–46, табл. V, 101, 102, 119, 120 и др.). Узор четырехполосного («четырёхсловки») орнамента разрешается часто приемом удвоения узора двухполосного (табл. VII, 144, 153 и 154), реже построением целой фигуры (табл. VI, 128, табл. VII, 145, 146, 149).

Орнаментальные фигуры, располагаясь одна под другой в разных положениях, образуют иногда сложную комбинацию, которую можно понимать по-разному, благодаря тому, что фон орнамента сам получает правильное геометрическое очертание: в некоторых случаях с первого взгляда нелегко установить, что является фоном и что узором. Ткачиха стремилась заполнить узором по возможности всю полосу отрезка, и благодаря одинаковому отношению площадей узора и фона, одинаковой толщине узорных линий и расстояний между ними получается это взаимоотношение узора и фона почти как отношение негатива к позитиву (табл. I, 21, табл. VI, 136).

Композиция узора составляется из центрального и побочных мотивов и дает геральдическую симметрию с фигурами, обращенными навстречу друг к другу или в противоположные стороны (табл. I, 20, ср. табл. II, 44). В других случаях видим ритмическое расположение повторяющихся фигур (табл. II, 31–32, табл. VI, 138). Нередко узор имеет обрамление в виде концовок. Самой распространенной из них является фигура в форме буквы «Е» (табл. II, 47, табл. IV, 88).

При очень небольшом запасе у ткачихи основных орнаментальных форм, комбинирование их давало ей возможность построить довольно разнообразные орнаменты. Это достигается следующими приемами: удлинением или укорачиванием фигуры, изменением порядка составных фигур, расчленением фигур на

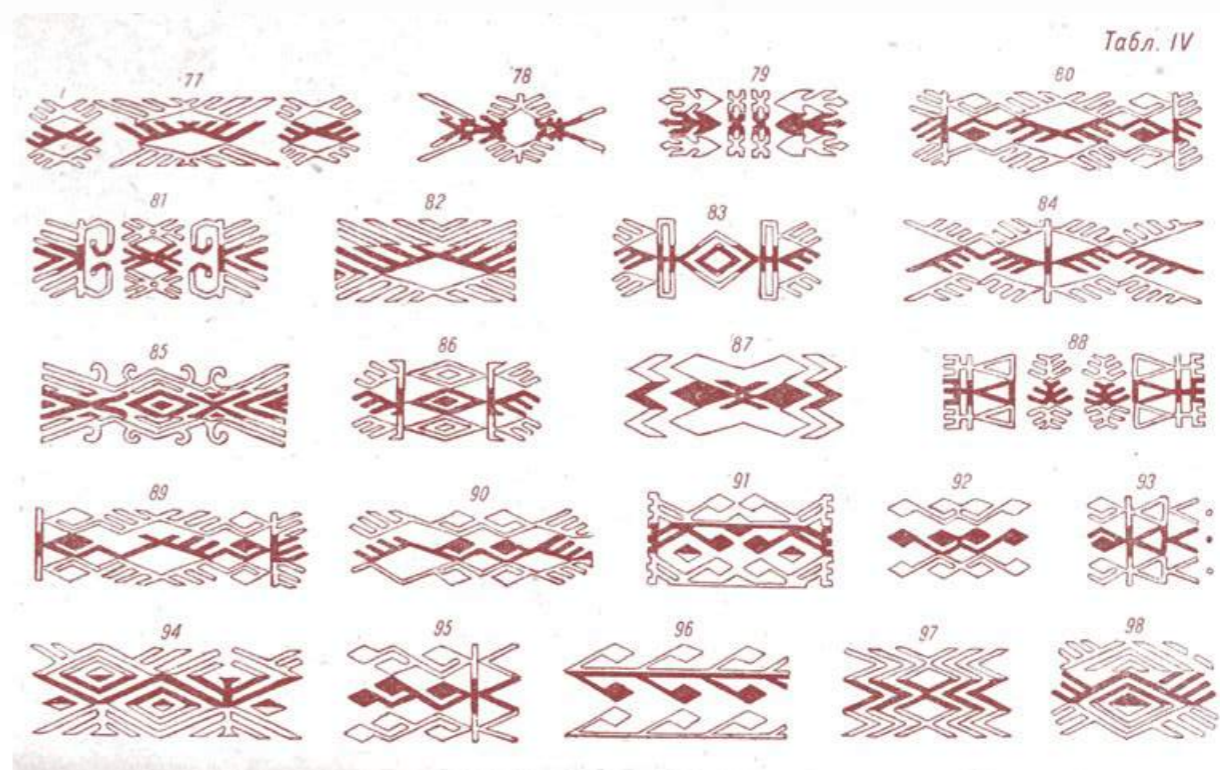
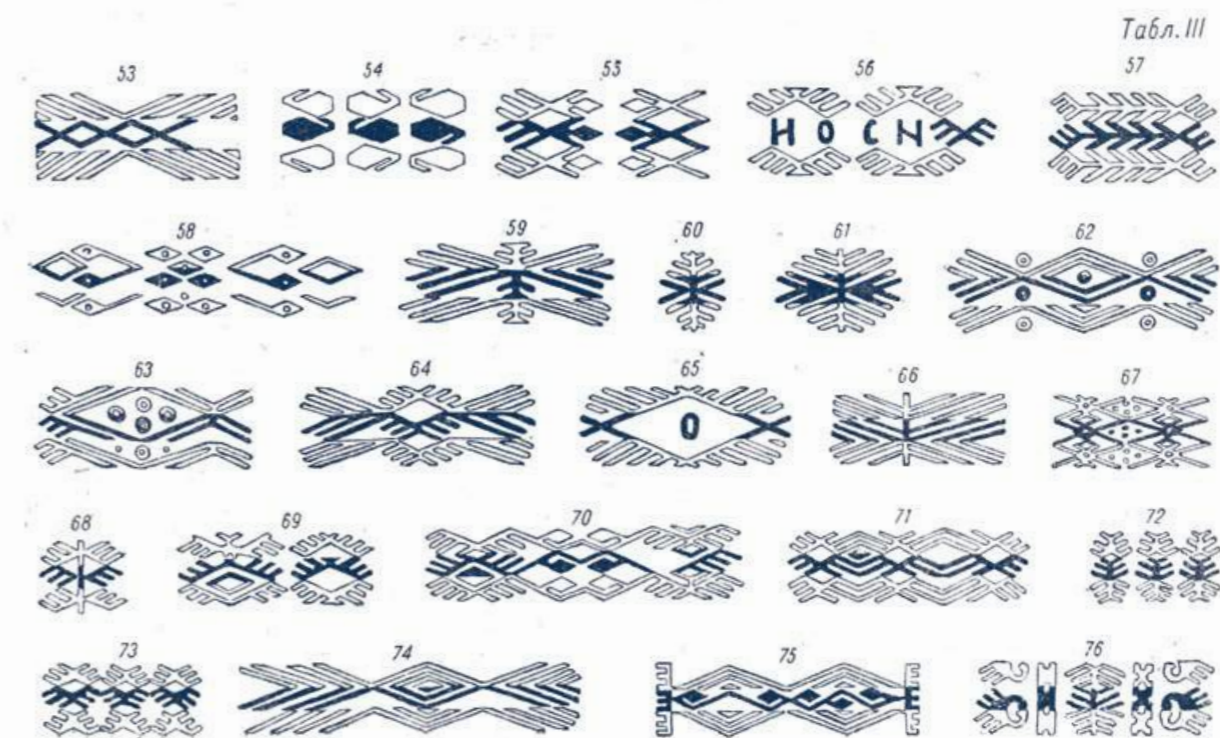
более простые составные элементы, из которых образуются новые комбинации, осложнением рисунка дополнительными линиями и фигурами, расположением тех же фигур в опрокинутом виде и т. д.

Общий стиль орнамента геометрический и сильно геометризованный растительный. Характерной особенностью стиля является гребенчатость или лучистость фигур орнамента и стрелчатость.

Основным элементом построения рисунка является косая линия. Она используется для различных построений ромбов, елочек и т. д. Как самостоятельный орнамент косая линия встретила лишь однажды в виде трех параллельных линий (табл. I, 7). Прямая вертикальная линия играет менее значительную роль, она имеет как бы служебное значение, разделяя различные мотивы орнамента, и сравнительно не часто участвует в построении той или иной фигуры (табл. I, 1–8, 18, табл. II, 33, 47, табл. IV, 96).

Основной орнаментальной темой является ромб. Он встречается в самых разнообразных видах: крупные, мелкие ромбы, начертанные контурно, и ромбы, представляющие сплошную красочную площадь. Встречаются ромбы, внутри заполненные точками, кольчиками, ромбами меньшей величины. Из ромбов образуются цепи; они соединяются в шашечном порядке; ромбами заполняются целые орнаментальные фигуры. Усложнение ромбов и соединение их с другими орнаментальными мотивами весьма разнообразно. Наиболее естественным осложнением рисунка ромба является продолжение линий, скрещивающихся на его острых углах (табл. I, 19). В образовавшиеся лучи включаются угольники (табл. III, 62, 74). Соединяясь прямой линией в центре, последние образуют елочку (табл. III, 64).

Дальнейшее развитие ромба представляет ромб лучистый или «гребенчатый», по терминологии ткачих «ерш». Это ромб с косыми параллельными лучами по сторонам, напоминающими зубцы гребенки. На прилагаемых рисунках можно видеть многочисленные вари-

ации построения гребенчатого ромба. В одних случаях стороны ромба сплошь заняты лучами, в других лучи идут только близ острого угла ромба (табл. IV, 98, табл. V, 120). Количество лучей у гребенчатого ромба от 1 до 7 по каждой стороне, но чаще по 4. Лучи или ровные, или постепенно укорачивающиеся в том или ином направлении.

Сложная фигура гребенчатого или лучистого ромба обычно рассчитана на двухполосную площадь. В трехполосной площади отрезка, назначенного для орнамента, мы видим за одним исключением (табл. III, 65) полтора «ерша» (табл. II, 37, табл. IV, 77) и в однополосном орнаменте – пол-ерша (табл. 1, 13). Таким образом, гребенчатый ромб нередко сечется в горизонтальном направлении, но он рассекается и по вертикали (табл. III, 68, табл. VI, 134) и, наконец, отдельные лучистые стороны его, напоминающие «гребеночки», входят в различные комбинации и сплетаются с другими орнаментальными мотивами (табл. III, 42, 43, 50, табл. III, 57, табл. V, 114). В некоторых случаях фигура «полуерша» стилизуется в подобие фигуры летучей мыши или птицы (табл. III, 69). Совершенно особо также стоит своеобразный мотив вертикально рассеченного «ерша» с мягко загнутыми сторонами: половина этой фигуры дает впечатление стилизованного лебедя (табл. III, 76, ср. табл. IV, 81). Отметим, кстати, что ромбический орнамент довольно обычен на браслетах костромских курганов VIII – XIV вв., судя по коллекциям Костромского музея. Гребенчатый ромб широко распространен в браных концах полотенец и в старых вышивках края.

Одна из геометрических фигур орнамента, равнобедренный треугольник, является собственно рассеченным в том или ином направлении ромбом. Эти треугольники бывают или сплошь цветными или контурными. Ориентировка треугольников вершинами всегда горизонтальная. Они располагаются или отдельно, или соприкасаясь между собой и с другими фигурами (табл. I, 3, 4, табл. V, 103, 118). Треугольники сообщают стилю орнамента характер стрельчатости. В одной тесемочке все поле разработано треугольниками в шашечном порядке.

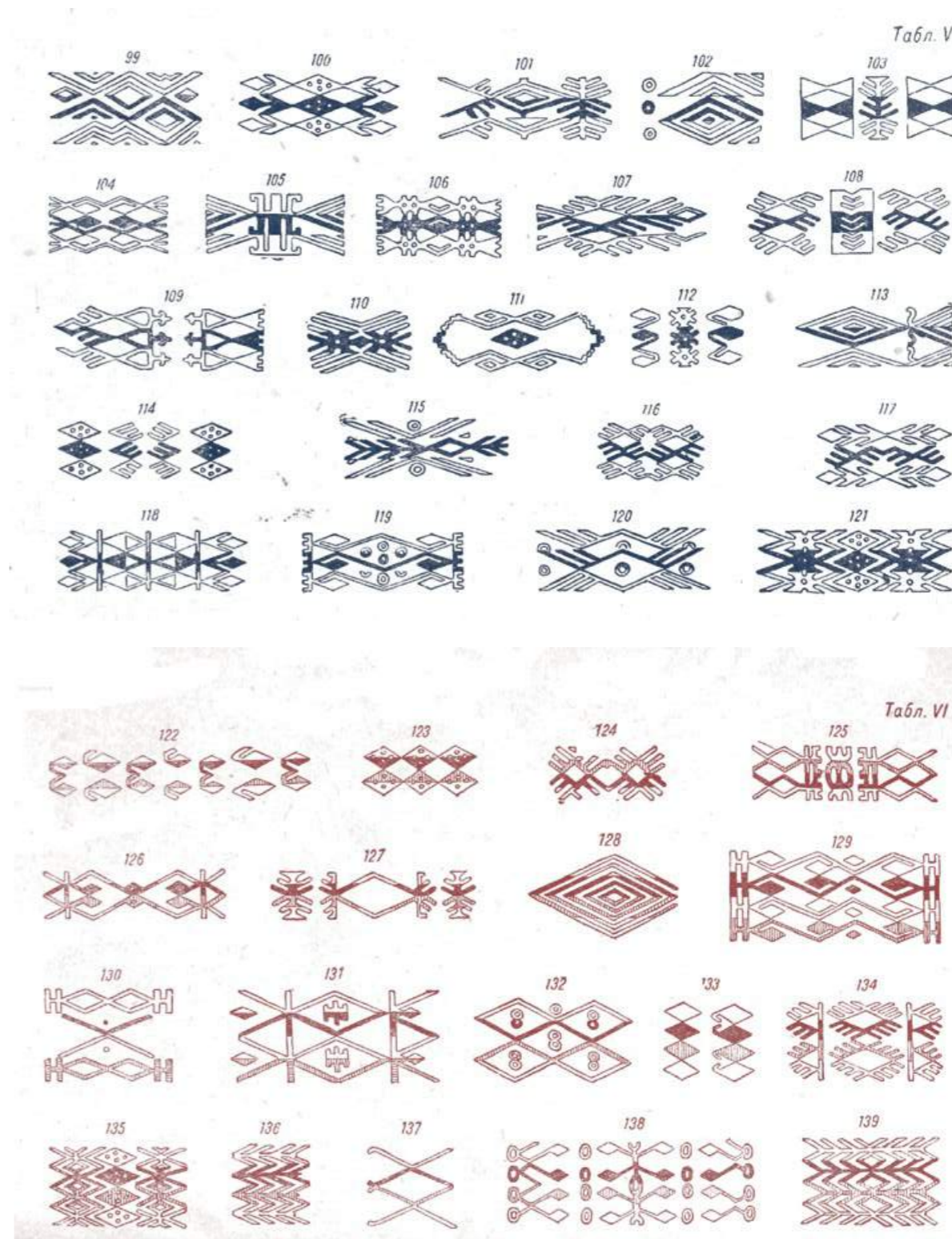
Значительное место в орнаменте поясков занимают острые угольники. Самостоятельно они встречаются редко, примыкая обычно к другим фигурам к ромбу или к треугольнику, как развитие сторон последних (табл. I, 3, табл. II, 32, 33). Угольники помещаются всего чаще на концах орнаментальных полос. Ряд угольников, нанизанных один к другому, является переходной формой к рисунку «елочки» (табл. II, 52, табл. IV, 97, ср. табл. VI, 139, 137). Эти угольники-лучи вместе с мысиками концов фона еще более сообщают орнаменту характер стрельчатости.

Лучистость присуща не только ромбам; ее встречаем даже с кольчиками, короткие лучи которых делают их похожими на звездочки (табл. II, 35). Пары лучей, сходящиеся к прямой линии, дают мотив «елочки» – самый простой растительный геометризованный орнамент.

О разработке мотива «елочки» можно сказать следующее. Обычно этот рисунок размещается в горизонтальном направлении (табл. I, 28, табл. VI, 136, 139). Встречается также вертикальное начертание елочки (табл. II, 36, табл. III, 50, 67, 72). В том и в другом случаях количество веточек бывает разное, а равно и размеры веточек, иногда укорачивающихся в направлении вершины. Ствол елочки претерпевает разные изменения: в некоторых случаях он утолщается книзу, в других не доходит до вершины, заканчивается вершинкой в виде буквы «Т» или в виде треугольника, стоящего на вершине (табл. III, 72, табл. IV, 88, табл. V, 103).

Геометризованный растительный орнамент представлен еще мотивом ветки с листьями. Сама ветка или ломаная или прямая. Иногда с одной стороны, а иногда с обеих от нее отходят на стебельках листочки ромбовидной формы. Число последних на ветке доходит до 6 с каждой стороны (табл. I, 15, 18, табл. II, 43, табл. IV, 96, табл. VI, 129). Расчлениваясь, ветка дает самостоятельный узор листа (табл. I, 10, 11, 17). Тот же листик, осложняясь отростками, занимает положение как бы цветка (табл. II, 44).

К этому же порядку геометризованных растительных орнаментов относится узор цветка, растущего из вазы (табл. I, 20), ори-

ентированного горизонтально. Наконец, растительного же характера орнаментом являются так называемые «огурчики». Этот орнамент встречен лишь на трех поясках. В двух случаях это ромбики с крючковатыми отростками и в одном случае вытянутые пятиугольники, также оканчивающиеся крючками. Обращенные в одну или в разные стороны, перевернутые, они располагаются рядами и ориентируются горизонтально (табл. III, 54, табл. V, 112, табл. VI, 133).

Считаем необходимым указать, что фигура «огурца», распространенная и в местной русской набойке, обычна также в орнаменте восточных ковров.⁵

Подсобную роль при построении узора играют столбики и фигуры в виде «Н» и «Е». Вертикальные столбики очень нередки в орнаменте поясков. Они служат связью между разными фигурами или, наоборот, как бы рассекают узор (табл. I, 6, табл. II, 33). Иногда столбики ставятся парой и соединяются в середине линией, образуя фигуру в виде буквы «Н» (табл. II, 31, табл. VI, 129). Более сложной представляется фигура в виде буквы «Е», столь обычная для концовки разных узоров (табл. I, 8, табл. II, 47). Два «Е», обращенные в противоположные стороны, соприкасаясь, так сказать, спинками и сливаясь, образуют новую фигуру (табл. VII, 148). Иногда фигуры «Н» и «Е» комбинируются в одном рисунке (табл. IV, 88). Фигура «Е» обычна также и в марийском орнаменте.

Несмотря на то, что техника тканья поясков дает полную возможность изобразить округлую линию, в орнаменте поясков нередко встречается фигура круга, и эта фигура никогда не имеет самостоятельного значения. Круги представлены здесь небольшими кольчиками или же вытянутыми ноликами. Они включаются в ромбы (от одного до пяти), примыкают к их углам, служи звеньями, связывающими отдельные фигуры в цепи (табл. II, 32, 45, 46, табл. VII, 141, 145 и др.).

Точечный орнамент лишь в одном случае является самостоятельным (табл. VII, 148). Здесь все поле орнаментального участка, разде-

ленное посредине колонкой ноликов и ограниченное по концам фигурой «Е», испещрено точками. Обычно же точки включаются в ромбы (табл. II, 42, табл. VI, 123, табл. VII, 145) или располагаются группами по три у фигуры «Е».

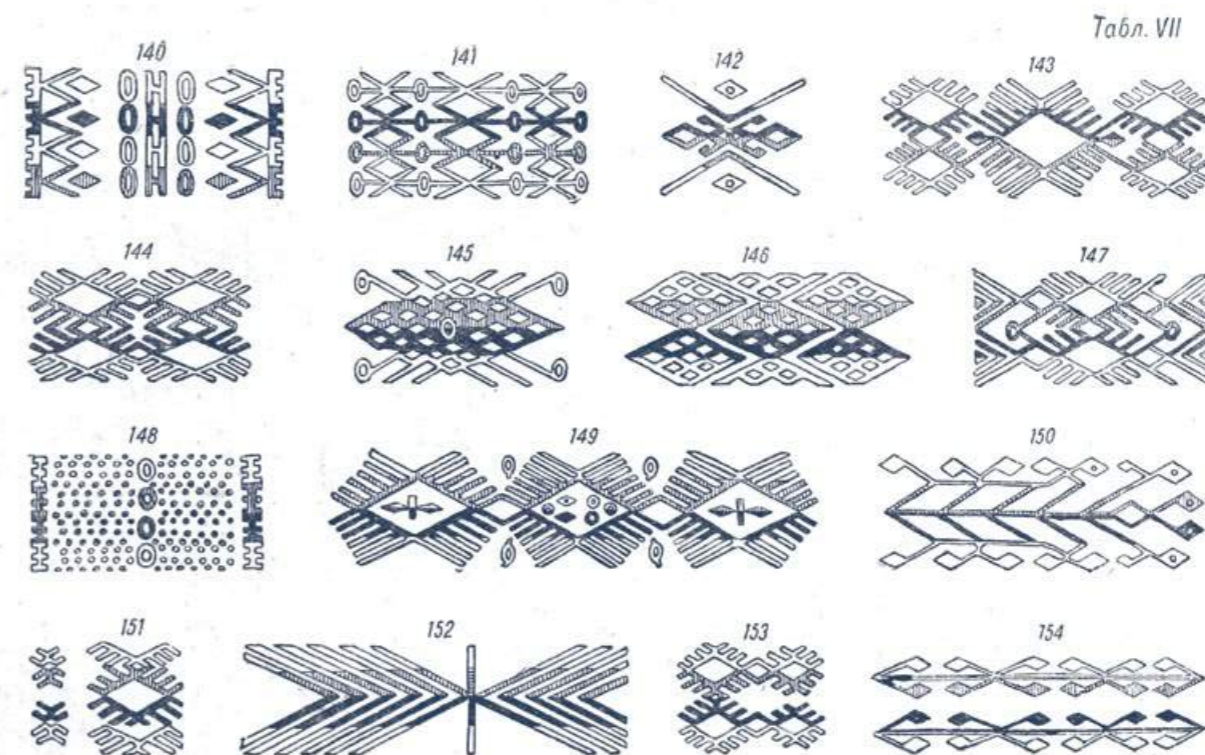
К сожалению, терминология отдельных узоров и элементов забыта. Во всяком случае, нам не удалось ее собрать. Единственные указания ткачих в этом отношении сводятся к следующему. Лучистый или гребенчатый ромб назван «ершом», отмечали упоминавшиеся «огурчики», «волженки» и «месяцы», причем, последние два термина ткачиха уже не могла связать с определенными фигурами, ссылаясь на плохое зрение.

III

На большинстве поясков вытканы надписи. Интересно, что ткачихи употребляли славянское начертание многих букв. Случается почти буквальное совпадение текстов письма и тесемочки. Например, народное письмо адресуется; «Сахару ведовому, яблочку садовому, меду сыченому, винограду зеленому, свету-персвету тайному совету, имени тебе нету. Про имя твое знает сердце мое». Почти буквально то же самое выткано на тесемочках (табл. I, 4, 5, 24, 28).

Прием скрывания имени предмета любви довольно обычен в стихках тесемочек: «про имя твое знает сердце мое», «знаю, да не выставляю».

Общеизвестный стихок в альбом: «Когда настанет час разлуки, когда не будет здесь меня» также перенесен на тесемочку. Одни и те же тексты встречаются и на тесемочках, и в вышивках. Так, напр., указанный только что стихок встречен вышитым на платке. Текст на тесемочке – «а ты игла мне помоги, с почетом милого прими». Из песен среди наших текстов встречаем следующие: «Смолкни, пташка-кинарейка» (3 раза), «Не брани меня, родная», «Во время злой разлуки с тобой, мил дорогой», «Ясное солнышко закатилось», «Небо чисто, небо ясно», «Орел златокрылый, друг мой милый».

Костромской поясок из коллекции Л.С. Китицной. Дар Т.В. Смирновой музею-заповеднику «Костромская слобода».

Можно отметить, что излюбленным образом этой поэзии тесемочек является птица, о которой упоминается в 12 тесемочках: «пташка-кинарейка», «голубь сизокрылый», «соло-

вей-птица», «пташечка во садике» – все это образы, вообще присущие народной песне. Встречается образ пылающего сердца: «два сердца пылают – свиданьица желают». Довольно обычно также сравнение милой с розой: «как роза в лете...», «прекрасен розен свет в лете».

Заметно, что на поэзии поясков сказалось влияние любовной века лирики XVIII века.

Примечания

1. Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Мем. Эти. отд. О. Л. Е. и А., вып. 2; М., 1927.
2. К. Ф. Леманн-Гаупт. Успехи изучения древней истории за последние 50 лет. Вести, древн. ист., I, М., 1937, стр. 45.
3. M. H a 1 d. Le tissage aux plaques dans les travaux prehistoriques de Danemark. ANemoi-res de la societd des antiquaires du Nord. Nouv. s6r., Copenhagen, 1931, pp. 389–416.
4. Н. К у г i k. K61av66 Eestis. Esti Rahva muuseumi Aastaraamat, VII, Tartu, 1932, pp. 93–124.

Публикуется по материалам ГАКО. Ф. Р-838. Фонд В.И. Смирнова. Оп. 1, д. 28. Публикация – «Советская этнография». 1940 г. № III.

Т.В. СМЕРНОВА,
краевед

ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ НА СЕВЕР 1960-е годы Отрывки из воспоминаний

В поездках на Север меня в основном привлекала архитектура церквей и часовен. Ведь архитектура изб и хозяйственных построек сильно зависит от таких факторов, как доступность леса и благосостояние жителей. А в архитектуре сильнее отражается духовная жизнь людей. Облик храмов в разные столетия различен. И зависит он, на мой взгляд, не столько от причин материальных, сколько от устремленности людей к Богу. Упадок веры, особенно в послепетровское время, отразился в архитектуре городских каменных храмов. Влияние города иногда приводило к утрате в деревянном зодчестве того, что И. Грабарь называл «чувством пропорций и пониманием силуэта». Но на Севере еще долго возводили деревянные храмы, нетронутые этим влиянием.

Рисовать памятники архитектуры я начала не сразу – способности к рисованию у меня отсутствовали. Но летом 1961 г., приехав в Старую Ладугу, я встретила художника-реставратора А.Н. Овчинникова. Он копировал фреску в Георгиевском соборе XII века. Этот замечательный человек внушил мне, что понять архитектуру (как и древнюю живопись) можно, только ее если зарисовывать. Я убедилась – занятие это дает много больше, чем фотография. Но, к сожалению, не всегда были возможности для рисования. Потому пришлось включить в свои воспоминания и фотографии того времени.

Кижы

Дорога идет от пристани по гребню острова, мимо куч камней – они выбраны крестьянами из земли, чтобы очистить поля. Возле камней, нагретых солнцем, крупная и сладкая земляника. Идешь, и кажется: впереди большой город, масса церквей. А их всего две – две

Т.В. Смирнова. Поцкий погост,
Вологодская обл. Фото 1965 г.

многоглавые церкви да колокольня. Не о таком ли впечатлении мечтал строитель?

Прославленный ансамбль. А присмотришься – нагромождение глав. Такие многоглавые деревянные церкви встречаются не часто. На Покровскую в Кижях похожа разве что двенадцатиглавая церковь в Лядинах, в Каргопольском районе.

Не в многоглавии, не в подражании городскому пейзажу видело красоту большинство зодчих. Сейчас широко разрекламирован архи-

Дорога к архитектурному ансамблю в
Кижях. Фото 1963 г.

Богоявленская церковь в селе Лядины (1793). Каргопольский район Архангельской обл. Фото 1965 г.

тектурный ансамбль в Кижях. И никто не осмеливается сказать, что он далеко не из лучших. А ведь сколько на Севере действительно изумительно стройных деревянных храмов, и клетских, и шатровых! Да не надо далеко ходить – ведь на остров Кижы перевезены из разных мест церкви, часовни, колокольни. Их, вырванных из своей среды, как-то немного жалко, как зверей в зоопарке. Хотя понимаешь, что на свободе участь их, вероятно, была бы еще печальней. Мы видим маленькую, такую простую и в то же время такую пропорциональную клетскую церковь Лазаря Муромского, возможно, самую древнюю из деревянных церквей (XIV в.). А часовня из Леликозера – неповторимо изящная, с двойной крышей и стройным шатром колоколенки, часовня из Кавгоры с высокой звонницей и другие!

И на том же острове, но на другом его конце, в деревне Васильевской, часовня осталась на своем месте. Классически простое, цельное, хочется сказать – типичное строение XVII–XVIII вв. Построек этого типа в те годы еще немало сохранялось на Севере. Таких схожих между собой и в то же время оригинальных.

Успенская часовня в деревне Васильевская. Конец XVII в. Кижы. Фото 1967 г.

Мельница без крыльев

Ферапонтово. Днем – фрески Дионисия. Вечером – Щелково, деревня неподалеку от монастыря. Там, на берегу, деревянная мельница дивной красоты. Мельница без крыльев. Отражается в озере. Над озером встает месяц. Лучшее место на земле. Пейзаж, выбранный мной для экслибриса.

Семь мельниц, говорят, было раньше тут, в Щелкове. Через несколько лет эту, последнюю, разметало бурей. Бревна распилили жители деревни.

Поцкий погост

Тарногский район Вологодской области. Луга, заросшие отцветающим иван-чаем. Узкая, чистая речка Уфтыуга. Как по линейке высаженные молодые леса у деревни. «Не пришли с войны мужики-то. Заросли поля – ветром семена занесло в борозды», – говорит жительница деревни Чернятинской с редким именем – Калиста. И горюет: «Изда у меня не опущенная», то есть, не обшита тесом.

Т.В. Смирнова с Калистой Хариной, жительницей деревни Чернятинской (Поцкий погост). Фото 1965 г.

Шатровая церковь на Поцком погосте. Покосился высокий шатер – дождевая вода попадает в отверстие. Нет сторожа, ведь это такой расход для вологодских чиновников: сторожу плату положить. Да и не придут они в такую глухомань. Значит, завалится шатер.

По Северной Двине

Конец лета. Неспешно идет по Двине пароход. Дважды на пути от Архангельска до Котласа приходится пересаживаться на суда меньшего размера – река обмелела. Задерживаемся на ночлег, чтобы зарисовать деревянные храмы. Церкви первой половины XVIII в. Идеальная форма шатров. В Ратонаволоке одна из церквей – Петропавловская (1722 г.) совсем необычна: на четверике один над другим два восьмерика и завершение – шатром. Сходство с колокольней Воскресенской церкви в Кадашах в Москве.

А в Чухчерме церковь клетского типа, увидена только с палубы. Так медленно идет пароход, что этот пейзаж запоминается навсегда.

Мало которые из этих храмов дошли до нашего времени.

Варзуга. Фото 1967 г.

Заполярье. Варзуга

Храм, самый близкий по архитектуре к знаменитой церкви в Коломенском. И где! На Кольском полуострове. Варзуга. Село по двум берегам реки. Переправа на лодке. Село большое по тем местам – домов сто. Вокруг лесотундра, говорят, что до ближайшего человеческого жилья километров двести. Церковь, тогда еще не тронутая реставраторами. Краска с теса смылась дождями. Он стал серебристым, и церковь меняет цвет: занимается заря, и она вся розовая. Выходит выше солнце – голубая в голубом небе. Не перенесли ее в какой-нибудь музей под открытым небом, не сняли реставраторы обшивку, чтобы «выявить игру светотени на бревнах».

Сохранность памятника? Есть сторож, из местных. Накануне нашего приезда тракторист повредил крыльцо церкви – задел трактором. На другой день сторож заставил его починить.

Кто видит этот шедевр? Туристы. Только не те, кто подъезжают к музею на автобусе, со всеми удобствами и, равнодушно взглянув, двигаются с экскурсоводом на другие мероприятия. Нет, в Варзуге этот шедевр увидят те, кто одолел нелегкую дорогу. И сторож откроет им

храм. И унесут они с собой не сувениры, которыми торгуют в музейном ларьке, а воспоминания о белых ночах, холодных водах Варзуги, бескрайних низкорослых лесах с морошкой... И о церкви – одинокой красавице, устремленной в небо.

Малые Корелы

Музей деревянного зодчества под Архангельском. Колокольня из села Кулига Дракована. Спрашиваю, можно ли ее зарисовать. Сотрудники музея смеются: «Попробуйте. Все равно от комаров убежите». А как было, когда колокольня стояла на просторе? Наверное, комаров отгонял ветерок.

* * *

Вспоминаю еще места, где побывала в те далекие 60-е годы, успела увидеть деревянные храмы: в Карелии – Усть-Яндома, Варваринский погост, Кондопога, Кемь; под Архангельском – Лявля, Конецдворье, Ракула; в окрестностях Каргополя – Большая Шалга, Саунино и другие. Мало что сохранилось через прошедшие полвека.

Что же лучше: перевезти деревянную церковь в музей или оставить на месте, смиряясь с тем, что она станет добычей пожара или просто сгниет? И всегда ли перемещение в музей гарантирует сохранность? Вспомним печальную судьбу замечательной церкви из села Спас-Вежи, перемещенной из зоны затопления на территорию Ипатьевского монастыря, то есть, в ту пору – в Костромской музей-заповедник.

Да, деревянные строения непрочны. И даже, несмотря на пропитку дерева, несмотря на перемещение в музей, их век недолог. Но каким же образом в Японии сохранились деревянные пагоды чуть ли не с XI века? И это в стране с частыми разрушительными землетрясениями и влажным морским климатом. Оказывается, японцы издавна приняли решение:

каждые 20 лет раскатывать строение и строить такое же, на том же месте, из новых бревен. И слово «новодел», которое с пренебрежением порой произносят музейные работники, им, видимо, незнакомо.

Хочется верить, что наши старые деревянные церкви и часовни будут воспроизведены когда-нибудь в будущем. И что это коснется и тех из них, которые сейчас находятся в музеях деревянного зодчества, а копии будут возвращены туда, где эти храмы стояли раньше, в выбранном нашими далекими предками месте, являясь неотъемлемой частью русского северного пейзажа.

Но какую же огромную работу надо провести по обследованию, обмеру, фотографированию памятников архитектуры! Свой вклад в это дело могут внести и музейные работники, хотя сейчас многим из них, возможно, веселее и приятней устраивать развлечения для скачующих туристов. А такая работа – работа на будущее, может показаться неблагодарной. Но без нее мы навсегда потеряем русский пейзаж. Вспомним П. Д. Барановского. Без его обмеров храма иконы Казанской Божией Матери на Красной площади в Москве, сделанных в 1925–1930 гг., невозможно было бы восстановить этот великолепный памятник. Был он разрушен в 1936 году, и на его месте устроен общественный туалет. Барановский не дождал до восстановления храма. А не сделай он ту работу...

А как недавний пример удачного восстановления деревянной церкви, могу привести Благовещенскую церковь близ Троице-Сергиевой лавры. Это один из древнейших в Подмосковье памятников деревянного зодчества (XVI в.). В конце 1970-х гг. начав реставрацию, ее разобрали. Однако средства скоро кончились, и люди использовали бревна на дрова. В 2006–2007 гг. храм был восстановлен. Это стало возможным благодаря тому, что ранее архитекторами было составлено описание церкви, произведены обмеры и даже сделан макет.

Андрей МИТИН

ЧЕХИЯ, КОТОРУЮ Я ВСТРЕТИЛ НА КАВКАЗЕ, или Заметки отпусника

«Летом к Чёрному морю» – кажется, обычный (с советских времен) и большинству жителей Центральной России хорошо известный летний маршрут. Море, солнце, пляж, горы у моря... Всё уже давно видно и пересмотрено.

В июле 2015 года моя поездка на Северный Кавказ строилась по принципу: и всё же стоит попробовать узнать что-то новое. Для себя. По возможности – и для других. Делюсь информацией.

Немного истории. После завершения Кавказской войны причерноморские территории Северного Кавказа, до этого заселенные племенами адыгов оказались безлюдными. Но Российская империя, приобретя новые территории, вынуждена была держать здесь, на приграничной земле, большой военный контингент (армию и флот). А армия и флот предполагают снабжение. Именно поэтому политика российского царского правительства во второй половине XIX века была направлена на привлечение к Черноморскому побережью Кавказа квалифицированных рабочих рук с целью освоения «свободных земель».

Клуб этнопутешествий

Ведущий рубрики-блога «Клуб этнопутешествий» Андрей Митин, директор Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода», приглашает всех читателей нашего альманаха поделиться своими наблюдениями, знаниями об истории народов многонациональной России, их обычаях и культурных традициях. Ведь каждое путешествие – это маленькое открытие большого и удивительного мира, который нас окружает, где столько ещё неизвестного нам.

Политика заселения «свободных земель» Северного Кавказа начинается с действий правительства царя-реформатора Александра II. Путем дипломатических переговоров было достигнуто следующее соглашение с Османской империей: а) Россия свободно отпускает в Турцию всех желающих уехать адыгов-мусульман; б) Османская империя не препятствует, а свободно разрешает переселение на территорию российского (теперь уже) Северного Кавказа своих подданных-христиан: армян, греков...

Прямой «обмен подданными». Об этом обмене широкой публике еще относительно широко не известно. Армяне и греки переселялись на территорию российского (уже к тому времени) Северного Кавказа большими потоками. Вот почему и сегодня на территории современного Краснодарского края проживает большая армянская и греческая диаспоры.

Ещё меньше широкой публике известно о другом переселении того времени. И о другом дипломатическом решении России. Совместно с другой соседней империей – с Австро-Венгрией.

В работе «История чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа во второй половине XIX в.» историк Елена Домашек замечает: «Появление чешских поселений, как замкнутых этнических хозяйствен-

ных единиц на Черноморском побережье, было результатом двусторонних переговоров наместника кавказского графа И. И. Воронцова-Дашкова и председателя Пражского комитета по переселению подданных Австро-Венгрии, чехов по национальности, доктора права А. Пенриченко. В ходе двухлетней переписки и двух визитов А. Пенриченко в Тифлис были оговорены основные пункты юридического обоснования переселения чехов и условий их дальнейшего проживания на территории Российской империи».

Дело в том, что попытка освоения «свободных земель» Северного Кавказа силами русских переселенцев из Центральной России и силами казаков из степной России и Малороссии не удалась. Ни русские, ни казаки не смогли в должной мере освоить горные земли. У них не хватало практического умения и навыков вести хозяйство (в том числе – сельскохозяйственные работы) в условиях горной местности. Вот почему царским правительством был предпринят этот дипломатический шаг – попытка заселения «свободных земель» христианами из соседних империй (Османской и Австро-Венгерской), теми, кто и на своей бывшей родине умел вести хозяйство в горных условиях – армянами и греками из Османской империи и чехами из Судет.

Сегодня, посещая станции Краснодарского края и Адыгеи, замечая в этих станциях страницы «славянской истории», гости часто думают одно: «Всё это история именно русского освоения Кавказа». И мало кто знает, что «славянская история» современного Северного Кавказа это во многом история... чешская. Именно в том, что на Северном Кавказе много и от истории Чехии, я и сумел убедиться лично летом 2015 года.

Хутор Мамацев

Северный Кавказ начинается (если двигаться со стороны Центральной России) с бескрайних полей Кубани и северных равнинных районов Адыгеи. Двигаясь в сторону Майкопа, заезжаю на хутор Мамацев (хутор в равнинном Шовгеновском районе республики Адыгея, на берегу реки Гиага). Узнаю следующее. Хутор был основан переселенцами из Австро-Венгрии, чехами по национальности.

Эти места (соседний хутор) – родина моего отца. Я часто сюда приезжаю: к родственникам (река Гиага, Гиагинский район, Шовгеновский район), но вот про то, что хутор Мамацев был основан в XIX веке именно переселенцами-чехами, узнал только летом этого года. Как-то

раньше и не задумывался. Хутор Мамацев – сегодняшний адыгейский хутор, основанный переселенцами из Австро-Венгрии. В равнинных районах Кубани и Адыгеи – это всё же редкий случай. В данной местности хватало рук русских переселенцев из Центральной России и казаков из степной зоны.

Но чтобы увидеть масштаб и роль чешских переселенцев в освоении Северного Кавказа, необходимо двигаться через столицу Адыгеи – Майкоп – дальше, в горы. И я иду в горы.

«Тридцатка»

С советских времен существуют официальные пешие туристические маршруты под общим названием «Из Адыгеи через Кавказский хребет и Кавказский заповедник к побережью Черного моря» (самый известный маршрут – «тридцатка», но есть и множество других). Перевал. А за горами, если идешь из Адыгеи, – Сочи (а сначала – Красная Поляна).

Сегодняшняя Красная Поляна также расскажет нам о роли в освоении «свободных земель» Северного Кавказа переселенцами из других мест. Достаточно вспомнить, что самый известный район олимпийской Красной Поляны носит название Эсто-Садок, основан он в XIX веке переселенцами из Эстонии... Стоп! – меня в этот раз интересовали чехи.

Выйдя к Черноморскому побережью в районе границы России и Абхазии, я узнаю, что чешских поселений здесь было основано в XIX веке значительное количество.

Немного истории. Игорь Кузнецов из Краснодара в своей работе «Чехи на Кавказе», например, замечает: «...известно, что 150 семей чехов вместе с 70 греческими семьями (каменщики и рудокопы) поселились на территории горного абхазского общества Цебельда (совр.

с. Цебельда, Гульрипшский район, Абхазия) после ухода его населения в Турцию в 1867 году».

Итак: Адыгея, Красная Поляна, Сочи и Абхазия – везде мне встречаются поселения, основанные во второй половине XIX века переселенцами-чехами из Австро-Венгрии.

Туапсе

От Сочи я двигаюсь вдоль побережья Черного моря в сторону Туапсе. И в Туапсе захожу в Туапсинский историко-краеведческий музей им. Н.Г. Полетаева. В музее натякаюсь на выставку под названием «Исторический костюм как часть культуры народов, населяющих Туапсинский район». Костюмы каких народов представлены на выставке? Русские. Адыгские. Армянские. И конечно – чешские.

Немного истории. Куратор выставки сотрудник Туапсинского историко-краеведческого музея Лариса Юрьевна Москаль рассказывает:

- Перед вами праздничные костюмы второй половины XIX века, костюмы первых чехов-переселенцев, потомки которых и сегодня проживают в селе Анастасиевка под Туапсе. Эталоном красоты у чехов считались девушки «кровь с молоком», чтобы соответствовать этому, юбка шилась очень широкая – 5-6 метров внизу, её сильно собирали в талии, чтобы она стояла «колоколом», деформируя фигуру, превращая девушку в «песочные часы». Блуза с воротником, называемым «мельничный камень», заимствована из эпохи Ренессанса. Голова на таком воротнике лежит как на тарелке. Чепец имел более 12 деталей, также увеличивая голову. Под него завязывали платок с огромными узлами на

ушах. В мужском костюме чехов-переселенцев угадывается австро-венгерское влияние. Брюки шили из красного или желтого сукна с замысловатой вышивкой по бокам. Рубаха обязательно с отложным воротником, разрезом на груди, завязывалась на шнурки с кисточками. Нарядный жилет с растительным узором украшали многоцветной вышивкой гладью и разноцветной чешуей рыб, выловленных в определенное время года.

От Ларисы Юрьевны Москаль узнаю, что село Анастасиевка (недалеко от Туапсе) получило свое нынешнее название только в 1901 году в честь родившейся тогда великой княжны Анастасии Николаевны (Романовой). А вообще-то это было не село, а несколько хуторов, основанных во второй половине XIX века чехами-колонистами из Австро-Венгрии. Так и назывались эти поселения – «Чешские хутора». Чехов здесь проживало очень много. По сути – «кусочек Чехии» на Кавказе.

Абрау-Дюрсо

И вот тогда от Туапсе я двигаюсь по побережью Черного моря дальше – в сторону Анапы...

Абрау-Дюрсо. Известные виноградники Краснодарского края. И в любом справочнике можно прочитать: «Опыты по разведению винограда на Кубани были начаты под руководством агронома Черноморского округа Ф.И. Гейдука». А кто это «агроном Черноморского округа Гейдук»?

Немного истории. Федор Иванович Гейдук. А имя, данное родителями при рождении – Бедржих. Бедржих Гейдук родился в 1832 году. Жил в Восточной Пруссии и в Австро-Венгрии. По национальности – чех. Окончил агрономическое отделение технологического института в Праге. И только затем, как специалист-агроном, был приглашен российским правительством для работы в России. Уже в России получил имя – Федор Иванович.

Федор Иванович Гейдук – агроном всего Черноморского округа Российской империи. Именно под руководством чеха Гейдука и происходило во второй половине XIX века возрождение и развитие «свободных земель» Северного Кавказа. На Кавказ из Чехии приглашались как специалисты высочайшего уровня (как сам Гейдук), так и рядовые крестьяне. Владимир Пукиш в статье «Чехи и русины на Северном Кавказе: переселенческие планы и их реализация», проанализировав множество документов, пишет:

«Семьям переселенцев полагались льготы. Каждой семье было обещано по 30 десятин земли, включая лесные угодья, и по 40 рублей наличными. В первый год каждому взрослому члену семьи надлежало получить «по 3 четверти ржаной казенной муки, молотой самой по себе и с отрубями», стоимость которой, однако, по истечении пяти лет следовало возместить. Также поселенцы могли бесплатно добывать себе древесину и камень для постройки домов... До 1881 года поселенцам гарантировалось освобождение от всех видов налогов. Создаваемые села имели право выбирать поверенного из числа жителей, созывать сходы для решения местных вопросов, а также основывать школы и строить костелы. Переселенцам обеспечивалась свобода вероисповедания и использования родного языка».

Северный Кавказ, побережье Черного моря От Адыгеи до Абхазии, от Сочи до Анапы. Во многом это и «история Чехии на Кавказе». Но мало кто об этом сегодня помнит.

Литература

Домашек Е.В. История чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа во второй половине XIX в. Кузнецов И. Чехи на Кавказе. [http://history.kubsu.ru/pdf/Пукиш В.С. Чехи и русины на Северном Кавказе: переселенческие планы и их реализация. Вестник Адыгейского государственного университета: http://cyberleninka.ru/search](http://history.kubsu.ru/pdf/Пукиш_В.С._Чехи_и_русины_на_Северном_Кавказе:_переселенческие_планы_и_их_реализация._Вестник_Адыгейского_государственного_университета:_http://cyberleninka.ru/search)
Пукиш В.С. Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. Вестник Адыгейского государственного университета: <http://cyberleninka.ru/search>

О.Н.РУМЯНЦЕВА,
кандидат культурологии,
учёный секретарь Костромского
государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника

ОБРАЗ СНЕГУРОЧКИ В СКАЗКЕ И БРЕНДЕ

Изучить отражение в языковых образах трансформации социальной характеристики и атрибутов Снегурочки – такова была главная задача проведённого исследования. Материалом для выявления средств языка, языковых единиц, репрезентирующих основные социальные характеристики и атрибуты образа Снегурочки послужили тексты русских волшебных сказок и рекламная информация с интернет порталов.

Для анализа выбраны сказки, имеющие в названии собственное имя Снегурочка. Сказка представлена в 3 вариантах, записанных в Калужской губ., из сб. А. Н. Афанасьева «Снегурушка и лиса», в Самарском крае от Абрама Новопольцева Д. Н. Садовниковым «Девушка Снегурочка» и от уроженца Нижегородской губернии с. Котовки И. А. Худяковым «Снегурушка». Всего существует русских вариантов – 16, украинских – 2, белорусских – 2 [Сб. А. Н. Афанасьева Т. 1: 445]. В настоящее время сказок о Снегурочке, записанных в костромском крае, не выявлено. Предложенные в исследовании варианты представляют общерусскую традицию в целом, с которой совпадает поволжская традиция.

Сюжеты сказок по классификации Аарона-Томпсона (АТ) относятся во всех вариантах к типу № 703 [Сб. А. Н. Афанасьева, Т.1: 445.] Искусственное дитя, при этом в двух сказках, объединённого с типом + 314 А Бычок-спаситель, а в третьем варианте – с типом № АТ 154.111 лиса, которую награждают собакой.

В заглавиях сказок обозначено главное действующее лицо «Девушка Снегурочка», «Снегурушка», и только в одном варианте

Трансформация традиции

названо и животное, спасающее Снегурочку «Снегурушка и лиса».

Волшебная сказка выросла из мифов. Космогонические мифы индоевропейских народов передают идею «телесности» всего мира, где человек воспринимал себя, прежде всего, как органическую его часть.

В основе народных верований утверждаются оппозиционные отношения между явлениями природы, чаще всего выражающиеся следующими лексическими единицами: свет – тьма, тепло – холод, жизнь – смерть.

Мифологическая основа Снегурочки получает языковое выражение в словах и словосочетаниях, выявляющих вещественный мир холода (см. *снег*). Сказки о Снегурочке – это соединение предметов природного мира и результатов создающего мастерства женщины. Таким образом здесь закладываются основы образа живой Снегурочки: см. «старуха взяла снегу, сделала шар и положила его в печку» [Снегурушка, 307]. Внешний облик Снегурочки органично связан с белоснежной зимой: девочка из снега предстаёт светловолой, белолицей. Согласно сказочному переносу семантики *белого снега* ком, *снега шар* (см. «Старик, старик! Набери-ка мне снегу да принеси сюда» [Снегурушка, 307]; «вытал молодой снег. Они нажали белого снега ком, <...>») [Девушка Снегурочка, 112] становится прообразом Снегурочки.

Изображение Снегурочки представлено посредством определённого сказочного клише как в содержании сказки, так и в языковой форме его отражения. Это проявляется в следующем.

Собственно сказочная языковая семантика может быть интерпретирована только исходя из её мифологических истоков. Однако для сказочной семантики, в отличие от мифологической, характерна гегемония социального кода, которая находит отражение в социальном (семейном) положении Снегурочки. Дается словесное указание, что Снегурочка живёт у бездетных возрастных родителей. Об этом сви-

детельствует зачин сказки, представляющий инициальную¹ сказочную формулу: «Жил да был старик со старухой, у них была внучка Снегурочка» [Снегурушка и лиса, 45], «Жили-были старик со старухой, и не было у них детей» [Снегурушка, 307], *Жили-были старик со старухой. Не было у них детей ни единого* [Девушка Снежурочка, 112]. Девушка Снегурушка всегда имеет юный возраст (деспособного ребёнка-помощницы). Её взаимоотношения с приютившими её старыми людьми определяется следующими обращениями: *внучка Снегурочка* (слова старика и старухи) [Снегурушка и лиса, 45], «Бабушка, бабушка!» (слова внучки) [Снегурушка, 307].

При этом у девочки из снега проявляется врождённое отношение неприязни к её сверстницам, например, обращаясь к волку она говорит: «*девки заманули, заманувши покинули*» [Снегурушка и лиса, 45] и недоверие к сильным диким животным – например, обращаясь к тому же волку, она говорит: «*Я тебя боюсь, ты меня съешь*» [Снегурушка и лиса, 45]. Сказочная Снегурочка наряду с общелитературной речью, называя сверстниц, использует диалектное слово: *шабрёнки*. Отношение Снегурочки к себе самой находим среди реплик главной героини, указывающих на её социальный статус: «*я одна развединая дочь у батюшки и у матушки*» [Девушка Снежурочка, 113]; «*Снегурушка <...> голубушка*» [Снегурушка и лиса, 45].

В русских народных сказках Снегурочка представляется живой девочкой. Так, испытывая страх перед гибелью, она весьма эмоционально воспринимает мир: «*стала горько плакать*» [Снегурушка и лиса, 45], «*она вышла на крылечко и плачет*» [Снегурушка, 308]; «*она вышла на завалинку, сидит и поплакивает девушка Снежурочка во тёмном лесу*» [Девушка Снежурочка, 113.]

Отношение окружающего мира к русским народным Снегурочкам трактуется как крайне доброжелательное. Наиболее живо это передаётся репликами прямой речи. Так, животные – жители леса готовы помочь: «*Сойди, я тебя*

отнесу», говорят хищники: медведь, волк, лиса [Снегурушка и лиса, 45], «*Садись на меня, я отвезу*», предлагают домашние животные – петух, баран, и бык [Снегурушка, 308]. Девушка Снежурочка, 113]. При этом сказочник даёт отрицательную, ироническую характеристику девушке из снега: «*а ведь она была бестолкова: в лесу заплуталась, и теперь там*» [Девушка Снежурочка, 113].

В рекламной информации сложился свой особый тип Снегурочки (девушки из снега) как в её внешнем образе, так и в отношениях с окружающими. Основные элементы образа Костромской Снегурочки в современной рекламной информации предстают в таких характеристиках, как указание на то, что Снегурочка – сирота (есть только дед Мороз). См. следующие словосочетания, обороты о Снегурочке: живёт самостоятельно на «берегу реки Волги» с «мамками да няньками» в «сказочном Тереме». Имеет незаурядные способности к волшебству: «*посылет волшебным снежком – удача весь следующий год*» и обладает волшебным предметом – «*волшебным зеркалом*». Информация стилизована под сказочные эпитеты, формулы, характерные для волшебной сказки: см. *волшебный снежок*. Привлекательные стороны её природы передаются чаще всего словосочетаниями, раскрывающими определённые ценностные качества девушки Снегурочки: она может стать в этом году владелицей «*четвертой по счету резиденцией*».

Снегурка представлена с внешней стороны как «*девица-красавица*».

Костромская Снегурочка обнаруживает только положительные эмоции, определяемые номинациями конкурса: «*Звонкий голосок*», «*Снежная чаровница*», «*Задорная плясунья*», «*Русская сказка*», «*Самая гостеприимная*». Костромские Снегурочки из бренда, как правило, очень коммуникабельны. Об этом свидетельствуют следующие прямые цитаты: «*каждый час и ежедневно с 10.00 до 18.00 открывают двери сказочной резиденции*» для гостей. «*А вместе со снежной красавицей*» встречают гостей, «*проживающие в Тереме*

Домовой, Домовиха да ученый кот Баюн». *Снегурочка готова порадовать и большие группы, и родителей с детьми, и молодоженов, и очень важных персон. Лучшими друзьями становятся те, кто чаще приходит с новыми знакомыми: поэтому ежегодно подводятся итоги «Лучшие друзья Снегурочки... года»*. Костромская Снегурочка себя не идентифицирует.

Осовременивание образа Снегурочки достигается путём характеристик, использующих определённые оценочные элементы современной русской речи, близких к формулам брендов по своему лексическому наполнению. В новостной ленте мы находим фразы, непосредственно

направленные на создание у читателя образа Костромской Снегурочки как очень привлекательной девушки. Она настолько желанная невеста, что «*рискует усугубить и без того непростые взаимоотношения между владельцами брендов*». Для Костромской Снегурочки устраивают праздники на лучших площадках города: «*28 марта 2015 года в парке Победы пройдёт праздник «Сказки для Снегурочки», посвящённый Дню рождения Снегурочки*», сообщает корреспондент портала K1NEWS.RU. *В парке будут работать интерактивные площадки, проведут мастер-классы по изго-*

товлению подарков для Снегурочки и сладких петушков на палочке». [K1NEWS.RU].

Снятия заложенных природой противоречий в мифологии никогда не происходит – сказочная Снегурочка никогда не выходит замуж (вечная девочка-подросток), у неё не может быть будущего как у матери. Как правило, в русской народной сказке в финале: счастливое возвращение заблудившейся девочки Снегурочки из леса (во всех 3 вариантах). В современных условиях на конкурсе Снегурочек в 2014 году победительница оказалась не только замужней женщиной, но и матерью, что противоречит и мифологической, и социальной характеристикам традиционного народного и литературного образов.

Традиционный образ символизирует ценность дочери как основное условие повышения статуса бездетных родителей. Цель сказочной Снегурочки – сохранить свою жизнь. Современный образ Костромской Снегурочки отвечает новым представлениям о женской привлекательности, подкрепленной финансовым благополучием. Цель деятельности современных Снегурочек – привлечь как можно больше платёжеспособных гостей к себе в гости. Снегурочка в качестве туристического бренда обусловливает создание «*туристических достопримечательностей, культурных событий, праздников и гуляний*» [Kostroma.ru/tur-breands/indeindex.aspx], ассоциативного набора продуктов, «*чтобы костромская земля нравилась, не оставила равнодушными.*» [Kostroma.ru/tur-breands/indeindex.aspx].

Характерное в целом для семантики волшебной сказки мифологическое противопоставление свой – чужой снимается в современном образе. В мифе и сказке Снегурочке невозможно стать своей: ей не могут быть присущи морально-этические характеристики, такие человеческие качества как: доброта, щедрость, способность любить. Приобретение этих качеств разрушительно для неё. Костромская Снегурочка глазами современного наблюдателя предстаёт доброй, щедрой, гостеприимной хозяй-

кой. Приобретение этих качеств могут только сохранить Снегурку из бренда.

Следовательно, образ Снегурочки в народной сказке создаётся устами самого сказителя, который время от времени скрывается за своими персонажами, предоставляя им прямую речь, живое русское (диалектное) слово. Так, создаётся характеристика девушки Снегурочки, которая призывает посмотреть на неё глазами наблюдателя из народа. Снегурочка из бренда отвечает современным ценностным представлениям о девушке, изменяя основные социальные характеристики и атрибуты.

(На материалах русских народных сказок и рекламной информации).

Примечания

1. Всякий сказочник, как правило, начинает свою сказку «датированием» действия, то есть фиксацией его во времени, и «локализацией» этого действия, указанием места, где происходило то, о чем будет рассказано. Получается, таким образом, два типа инициальных формул: 1) формулы времени («хронологические»); 2) формулы пространства («топографические»). Сказочник помещает свою сказку во времени или в пространстве, или во времени и пространстве. Таковы первые функции инициальной формулы сказки (Рошняну Н. Традиционные формулы сказки. – М. 1974. С. 18).

Источники

1. Портал K1NEWS.RU
2. Сказка «Снегурочка и лиса» // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах. Т. 1. – М.: Изд. «Наука», 1985. – С. 45. 505с.
3. Сказка «Девушка Снегурочка» // Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т.10. Сказки и предания Самарского края. Собранных и записанных Д.Н.Садовниковым. – СПб.: Изд. «Тропа Троянова», 2003. – С. 112–114. 439с.
4. Сказка «Снегурочка» // Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 6. Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. – СПб.: Изд. «Тропа Троянова», 2001. – С. 307–308.
- Мелетинский Е. М. Сказки и мифы // Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х тт. / Гл. ред. С. А.Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 441 – 444. – 719 с.
- Meletinsky EM Tales // fabulis et fabulis gentium mundi: Encyclopedia II vols. / Ch. Ed. S. A.Tokarev. – М.: Sov. Encyclopedia, 1992. – Т. 2. – P. CDXLI – CDXLIV – DCCXIX p.

Т.Г. ГОНЧАРОВА,
учёный секретарь Музея-заповедника
«Костромская слобода»

НАРОДНЫЕ СВЯТОЧНЫЕ ИГРЫ «Коляда, не хочешь ли пирога?»

Первый день Нового года в народе называли Васильевым днем, так как Православная церковь посвящала его памяти св. Василия Великого, архиепископа Кесарийского, который считался покровителем свиноводства и охранителем садов от червя и всякого другого садового «гада».

Васильев день – веселый день. В деревнях Костромской губернии в этот день можно было впервые за долгие недели поста увидеть ряженых, услышать песенки, прославляющие приход Нового года, игру на гармонике. Парни и девицы начинали Святочное веселье катанием на больших санях с гор. «Веселится в этот день и детвора: она разгуливает по улицам и, приплясывая, выкрикивает свою незамысловатую песенку.

*Новый год пришел,
Старый угнал,
Себя показал.
Ходи, народ,
Солнышко встречать,
Мороз прогонять!»¹*

Именно вечер и ночь 31 декабря – «Васильев вечер» – особенное время. «По поверью наших крестьян, в эту ночь пробуждаются мертвецы, свободно выходят они из своих занесенных снегом и скованных морозом могил, принимают виды различных животных и расхаживают по земле, пугая крещеный люд. Но молодежь не прониклась этими страхами, она не боится мертвецов, ее смех и крики слышатся везде. Девицы в эту ночь затевают гадания: льют олово, воск, ходят к церковным дверям слушать, считают поленья, глядят в зеркало и проч. Гаданье под Новый год у нас исстари считается самым верным и действительным, если

Этнография народного праздника

только гадающие не забудут соблюсти все необходимые условия: будут гадать без креста, без пояса и не благословясь. Недаром крестьяне говорят: «Загадает девица под Василья, – все сбудется, а что сбудется – не минется» и не препятствуют своим девицам гадать. Гадают и парни, но большею частью они стараются помешать девицам, расстроить их гадание и увести их с собою гулять. Гадая, молодежь старается приподнять завесу будущего, ей хочется узнать: скоро ли и за кого выдадут замуж (или на ком женят) и как сложится жизнь в чужой семье, среди чужих людей, или желает знать: проживет тот или иная весь наступающий год»².

Цикл народных праздничных зимних обрядов – зимние Святки, который и начинался обычно с Васильевского вечера, был самым любимым у деревенской детворы и подростков. Дни с 1 января по 6 января в народе прозвали ещё «страшной неделей» – считалось, что на это время нечистая сила выходила из своих закрытых миров и старается вочеловечиться. Отсюда и обычай рядиться на Святки в маски животных, чтобы сбить с толку и обмануть нечистую силу, которая ищет невинные души и искушает их разными соблазнами.

Святки начинались с колядования – народного игрища, когда ряженые в маски дети и

взрослые обходили своих соседей с пением песен-благопожеланий — колядок и собирали пироги, пряники и разное угощение. Например, в Нерехтском районе пели так:

*Коляда, Коляда, не хочешь ли пирога?
Не ломай, не ломай, весь подавай!
Коляда, Коляда, подай нам пирога!
Не дашь пирога, — мы быка за рога,
Мы — теллицу-годовицу,
Мы — корову-яловицу,
Овцу-ягощицу,
Кошку-лакомицу.
Приходила Коляда накануне Рождества!
Кто даёт Коляды — тому двор животов,
Огород огурцов!
Кто не даёт Коляды, — тому двор чертей,
Огород червей!»³*

Слово «коляда» производят латинск. — «*calenda*» (коляда у поляков «*coleda*» от «*coleo*» — разгораться, гореть). Загадочно слово «коляда». «Оно неоднократно ставило в тупик исследователей нашего народного быта и приводило их к самым противоречивым заключениям. Но не только исследователи, а и сам народ придает этому слову различные понятия. Так, «колядой» в Малороссии зовут самый праздник Рождества Христова и даже все Святки. «Колядовать» на белорусском наречии означает — «славить Христа». «Колядой» называют часто Рождественский сочельник, «когда появляется та самая звезда, которая когда-то возвестила восточным мудрецам о рождении в Вифлееме Иудейском Сына Божия — Спасителя мира»⁴.

Наступает вечер Сочельника. Тьма ложится наземь, покрывая своими тенями белые, пушистые снега. Вот вспыхивает на востоке ярким трепетным светом звездочка — звезда вифлеемская. Зашевелилась детвора, сдерживаемая во время дня окликаками родителей и соскучившаяся по своим забавам, теперь настало время ее деятельности. «Коляду петь! Коляду петь! Пойдем с колядкой!» — кричат мальчики и девочки, выскакивая то из одного, то из другого

дома. Вот их уже собралась гурьба; откуда-то у одного малыша появилась в руках палка с приделанной соломенной звездой. «Идем!» — раздается команда, и дети нестройно направляются в первый попавшийся двор, отсюда бегут в другой, третий, четвертый... всюду, куда их только пускают хозяева. Пришли дети на двор, качнулась звезда и полилась песня:

*«Коляда — миледа,
Ты пришла на двор
Накануне Рождества.
По снежному полю —
Гулять на просторе.
Забегала в двор
К Ивану Иванычу,
К тетушке Прасковье.
Иванов-то двор
Виноградьем оброс.
У Иваныча — сударя
Высок терем,
У Прасковьюшки на дворе
Полным-полно.
Гуси-лебеди летели:
Мы малешеньки,
Колядовщицки,
Мы пришли прославлять,
Хозяев величать:
Иван Иванычу
Житья сто лет,
Прасковьюшке
Всегда здравьице,
Всем детушкам;
Зятьям, снохам,
Сыновьям, дочерям —
Боярышням —
Добра здравьице.
Наша-то коляда —
Ни величка, ни мала —
Прославление принесла.
Подавайте пирог
Или денежку!»⁵*

Помимо приведенной колядки записаны у наших соседей во Владимирской губернии и другие.

*Киледа, миледа,
Подай конец пирога!
Кишки, лепешки,
Свиньи ножки
В печи сидели
На нас глядели.
Под столом-то пусто.
На столе-то густо.
Людам-то давали,
А нам не давали:
Давайте киледы!*

Или:

*Коледа, моледа,
Запросила пирога
У хозяина Ивана,
У хозяйюшки Прасковьи.
Подарите, не знобите
Коледовщицков!
У вас полным-полно
Всяких снедовьев:
На печном окошке
Блин да лепешки,
Подавайте, не ломайте,
Только крошки подбирайте,
Коледовщицкам!»⁶*

* * *

*Коляда, маледа,
Подавай пирога!
Мы искали коляду
По проулочкам,
По заулочкам.
Мы нашли коляду
У Ивана на дворе.
Иванов-то двор
Железом крыт.
У Ивана-то жена
Через речку плыла,
Через реку плыла,*

*Увидала бобра —
Бобра Чернова,
Чернобровова.
Своим деткам принесла
На шубеночки,
А наша коляда
На двор пришла.
Подавайте пирога,
Аль оладьишев,
Аль блинчиков!»⁷*

Пение колядок вознаграждается: дети получают от добрых хозяев то куски пирога, то баранки, то деньги.

Радостная встреча Нового года сопровождалась такими же колядками и приплясываниями детей:

*Новый год пришёл,
Старый угнал,
Себя показал:
Ходи, народ,
Солнышко встречать
Мороз прогонять!
С Новым годом!
Со всем родом!
Чтоб здоровы были,
Много лет жили!*

Дети ходили по домам как «сеятели», бросая зёрна в красный угол избы и выкрикивая колядки:

*Сею-сею, подсеваю,
С Новым годом поздравляю!
Со скотом, с животом,
С малым детушкам,
С малолетушкам!
Сколь на кусточке веточек,
Столь бы у вас было детушек!*

* * *

*Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
На Новый год, на ново счастье
Уродись, тиеничка,*

*К. Г. БЕЛОВА,
методист Музея-заповедника «Костромская
слобода»*

ТКАЧЕСТВО НА БЁРДО

Задачи, которые мы ставим при проведении данного мастер-класса – это привлечение внимания его участников к традициям русской народной культуры и традициям костромского ткачества, а именно умению ткать пояса на бёрдо.

Необходимые материалы для этого нужно приготовить заранее:

- бёрдо деревянное 16 штук;
- нитки шерстяные три цвета: красный, коричневый, белый;
- нож деревянный;
- челнок;
- стойка для закрепления ниток.

Значение поясов в costume

С древнейших времен пояс рассматривался как некий оберег, магический объект, способствующий благополучию и удаче того, кто его носит. Народ верил в могущественную силу пояса. Об этом свидетельствуют рукописные книги простонародной медицины, где пояс рассматривался как оберег: «А от всех колдунов и от всякой порчи носят на голом теле пояс вязаный. И при этом талисмানে не может действовать никакое колдовство».

Со временем пояс приобрел более утилитарное значение, он продолжал играть большую роль в народных гаданиях, обрядах, во многих заговорах и как оберег. Люди верили, что можно повредить человеку, произведя над его поясом различные колдовские действия. Были заговоры на поясе и гадания. Так, в Костромской, Вологодской губерниях девушки на поясе гадали о своем суженом: к поясу на ночь привязывали замок, запирали его и ключ клали под голову со словами: «Суженый-ряженный, отомкни меня». Вера в магическое значение пояса имела несомненное место и при дарении поясов

Мастер-класс

во время сватовства и свадьбы. Если невеста передала жениху пояс, то уже не имела права изменить решение и отказать жениху. Как правило, невеста дарила жениху вытканый ею узкий шерстяной пояс в красных тонах.

Материал и внешний вид пояса зависели от его назначения, от сословного и имущественного положения владельца. В народе были распространены пояса из льняной и шерстяной пряжи – вязаные, тканые, плетеные, реже – шелковые тканые, плетеные фабричного изготовления. В каждом крестьянском хозяйстве изготавливали пояса женские и мужские для повседневного употребления и праздничные.

В XIX в. в русских крестьянских семьях продолжалось изготовление предметов обрядового и утилитарного назначения. Обрядовые действия зависели от практической деятельности человека, воспринимались как своеобразное, очень важное добавление к ней, необходимое для благополучной жизни как оберег от всякого зла. Веря в магическое значение пояса, иные невесты раздаривали во время свадьбы и в предсвадебные дни до ста поясов, и потому некоторые девушки с девяти – двенадцати лет начинали ткать пояса.

В силу традиции в наше время сохранились примеры использования древних мотивов сюжетного орнамента, нередко совершенно непонятного его исполнительницам, особенно в старообрядческих селениях, где дольше сохраняли бытование ранние формы славянской культуры, в том числе ранние орнаментальные мотивы на поясах, полотенцах.

Устройство бёрдо и заправка нитей

Бёрдо представляет собой плоскую дощечку, в которой проделано определенное количество продольных щелей. В каждом «столбике», разделяющем две щели, проделано отверстие. Таких отверстий может быть — по вертикали — от одного до трёх, что позволяет

усложнять узор, работая с нитками разных цветов.

Для первого опыта воспользуемся простой схемой для ткачества «Брань 1:2».

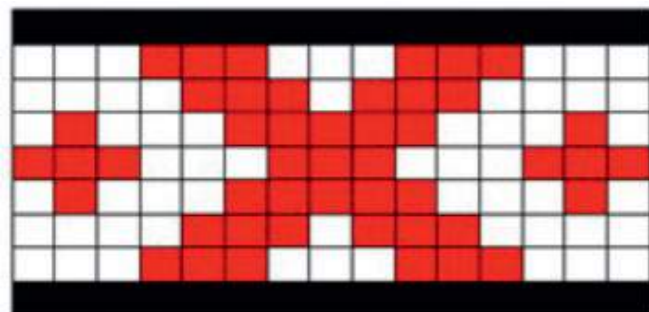

Схема заправки нитей

Практическое выполнение заправки нитей в бёрдо

1. Нарезаем нитки нужной длины.

2. Теперь необходимо правильно заправить нитки. Начинаем как всегда от центра. На одну узорную нитку у нас две нитки основы – справа и слева от узорной нитки.

3. Точно так же симметрично заправляем другие нитки. Не забываем, что на вторую узорную у нас тоже две нитки основы. Можно это запомнить так: (основа, узорная, основа), (основа, узорная, основа) и т.д.

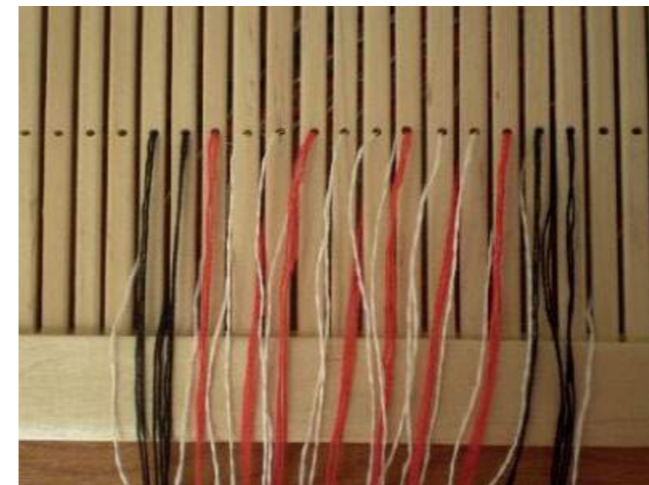
4. Вот мы заправили наши основные узорные нитки вместе с основой. Внимательно перепроверяем, чтоб нигде ничего не потеряли и не пропустили.

5. Можно кромочные нитки сделать больше или меньше по количеству, например, по две чёрные нитки на кромку.

В этом примере использованы три чёрные нитки, и вот так выглядит заправка в конце.

6. После заправки всех ниток связываем их в общий пучок, крепим к неподвижной опоре и расправляем нитки по всей длине.

7. Хорошо натягиваем нитки и связываем их в пучок. Вместо пояса можно использовать скобу, которую крепим при помощи тесьмы или узкого пояска на талии.

8. Уточная нитка как правило того же цвета, что и основа, то есть в нашем случае – нитка белого цвета.

Техника ткачества

В самом начале, чтобы получить ровный край, можно подложить линейку.

В самом начале работы мы просто закрепляем нитки, прокладывая несколько рядов без переборов.

Должна получиться вот такая шахматка.

Далее начинаем ткать узор. Для этого мы начинаем плести с того ряда, где у нас 1 и 7 узорные нитки находятся вверху. В моем случае это 2 ряд по схеме заправки ниток. Так как по схеме нам нужны только 1 и 7 нитки, остальные опускаем. Работаем только с узорными нитками! Основу не трогаем, она у нас идёт фоном. Прокладываем уток, меняем зев и подбиваем нитки.

Теперь смотрим второй ряд схемы узора: узор формируется за счёт 1,2,6 и 7 узорной нитки.

1 и 7 нитка у нас внизу, поэтому их мы поднимаем снизу, а 4 опускаем, так как по схеме она не нужна. Прокладываем уток, меняем зев и подбиваем нитки.

Работаем дальше по схеме, поднимая нужные и опуская ненужные узорные нитки.

Периодически сотканную часть изделия перенатягиваем на скобе-планке.

Теперь подведём итог. На мастер-классе мы познакомились с одним из видов творческой и прикладной деятельности – ткачеством. Закрепили умение набирать нити на бёрдо и выполнять тканое полотно самостоятельно. Обобщили результаты коллективной творческой деятельности участников мастер-класса. Было привлечено внимание к русской народной культуре края, сформировано понятие и уважение к её традициям и обычаям.

Список используемой литературы

Историко-краеведческий журнал «Страницы времен» №3 (14).- Кострома, 2012г.
Журнал «Чудесные мгновения. Традиционный костюм» 2 часть.- 2005 г.

*М.М. ГУСЕВА,
зав. отделом Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь»*

ОЖИВШАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕМЕСЕЛ ОЛОНЕЦКОГО КРАЯ КОНЦА XIX—XX ВВ.

Сегодня многие народные ремесла и трудовые навыки уходят из повседневной жизни деревни, некоторые из них, к сожалению, можно считать уже безвозвратно утраченными. В связи с этим огромное значение приобретает изучение, сохранение и восстановление в рамках музейной экспозиции старинных крестьянских ремесел, забытых технологий и трудовых процессов.

Уже в течение 20 лет в музее-заповеднике «Кижь» существует программа, посвященная демонстрации традиционных крестьянских ремесел и навыков «Ожившая экспозиция». Мастера «Ожившей экспозиции» представляют старинные ремесленные технологии в интерьерах крестьянских домов, на территории их усадеб в традиционных костюмах, создавая тем самым своеобразную этнографическую реконструкцию крестьянского быта XIX — начала XX века. Посетители музея могут не только окунуться в атмосферу жизни крестьянской семьи, но и понять принцип действия многих предметов домашнего деревенского быта, простых, но сегодня почти забытых вещей, таких, как прялка, ткацкий стан, сетевязка и т. п. Проходя мимо полей и огородов, гости острова могут увидеть сезонные занятия крестьян: распаханье земли, жатву, сенокос, поливку огородов, молотбу зерновых и другие сельскохозяйственные работы.

Труд мастеров на острове Кижь начинается вместе с прибытием первых теплоходов. В течение летнего сезона в музее-заповеднике «Кижь» можно познакомиться с 18 крестьян-

скими ремеслами и трудовыми процессами, среди которых есть и уникальные, например золотное шитье, изготовление женских украшений из бисера, строительство лодок по старинным технологиям. Мастера показывают все технологические приемы и методы изготовления изделий и рассказывают о традициях и особенностях своего ремесла, тонкостях технологии.

Можно с уверенностью сказать, что каждый человек, работающий в составе небольшого отряда «Ожившей экспозиции», по-настоящему любит свое дело и с большим удовольствием готов поделиться своими знаниями и умениями, возвеличивая красоту и мудрость крестьянского труда.

Посетителей музея всегда поражает облик дома крестьянина Нестора Максимовича Ошевнева, построенного во второй половине XIX века в деревне Ошевнево. В зимней избе этого дома, расположенной на первом этаже, согласно старинной крестьянской традиции долгими вьюжными вечерами при свете лучины, под протяжные старинные песни женщины пряли. Для этого процесса не надо много света, достаточно иметь чуткие и умелые пальцы и ниточка выйдет ровная и тонкая. Словно перенося посетителя в снежную заонежскую зиму, когда все крестьянские работы в основном проходили внутри дома, встречает его в зимней избе девушка-тонкопряха.

Прядение

Прядение — это одно из самых распространенных и важных занятий женщин Олонецкой губернии, но и одно из самых долгих: им занимались почти полгода — от праздника Покрова Богородицы до Великого поста. Прядение тесно связано с магической досвадебной и семейной обрядностью. Корни представлений о магической силе прядения уходят в глубокую древность и связаны с мифом о женском творении мира, олицетворением которого являлась языческая богиня Макошь.

Готовые нити (льняные, конопляные, шерстяные) шли как на удовлетворение нужд собственного хозяйства, так и на продажу.

Для работы на прялке чесаное волокно сворачивали особым образом в **кудель** и крепили к **лопастке** при помощи **мотогуза** (тесьмы) и **кованой спицы**. Пряильщица садилась на **донце** и приступала к работе. Левой рукой пряжа вытягивала тонкие пряди волокна из кудели и правой рукой она скручивала нить **веретеном**. На веретено наматывалось достаточное количество нитей, утяжелявших и убыстрявших его вращение. В народе намотанный на веретено клубок ласково назывался «**горушкой**». Много таких «горушек» нужно было напрясть, чтобы соткать в дальнейшем полотно для своего приданого. В течение рабочего дня, длящегося 12–18 часов, пряильщица могла напрясть

Демонстрация прядения в зимней избе дома крестьянина Ошевнева. Раиса Барбашина.

около 200 г. тонкой льняной пряжи. Девочек обучали прядению с 5–7 лет и усаживали их на донце прялочки, которую ей мастерил отец в подарок.

Пряли не только лен. На Севере не обойтись без теплой одежды из шерсти.

Просушенную шерсть нужно было **расшпилькать** (развести пальцами клочки, очистить от колючек). Затем ее чесали (**кардали**) на **кардах** (**картах**). Карды представляют собой две прямоугольные дощечки с деревянной рукоятью. На них набиты с одной стороны гвозди (проволочные зубья), проткнутые сквозь кусок кожи.

Демонстрация прядения в зимней избе дома крестьянина Ошевнева. Юлия Селина.

В XIX веке в Олонецкой губернии получили распространение **самопрялки** — механизмы, позволяющие соединить в прядении скручивание нити и ее наматывание. При этом освобождаются руки пряильщицы, и ускоряется прядение. На самопрялках готовили пряжу для сетей, вили веревки. Самопрялка не вытеснила веретено, она была дорога и не обеспечивала ровную скрутку пряди, работа на ней осваивалась с трудом.

Демонстрация процесса чесания шерсти на кардах и прядения шерстяных нитей осуществляется мастерами «Ожившей экспозиции» не только в доме Ошевнева, но и в других крестьянских домах основной экспозиции музея — в доме Елизарова, доме Берёзкиной, по желанию посетителей музея «Кижь» мастера сектора традиционных ремёсел проводят мастер-классы по прядению нитей

Изготовление женских бисерных украшений

Поднимаясь на второй этаж дома Ошевнева, попадаешь в парадное помещение крестьянского дома — «залу». Она должна была показать гостям хозяина всю его зажиточность. Убранство этой части дома очень напоминало мещанские квартиры больших городов. В доме Ошевнева «зала» уже в течение многих лет является выставочным помещением. Сменяются выставки, но неизменным остается показ на них такого редкого крестьянского ремесла, а скорее искусства, как изготовление традиционных украшений из бисера.

Издrevле по всей Руси, в том числе и на Русском Севере, большой популярностью пользовались жемчужные и бисерные украшения. Речной жемчуг добывали в северных реках сами крестьяне. Отборный жемчуг отправляли на продажу в крупные города, а менее ценная его часть оставалась в семьях для украшения костюмов, головных уборов и изготовления жемчужных серег, получивших название серги-«бабочки». Первоначально они изготавливались из речного жемчуга, который нанизывался

на конский волос, а в начале XX века жемчуг стал заменяться более дешевым бисером. Основа серег изготовлена из латуни и состоит из трех частей: верхней для крепления к головному убору, средней — крестовины (на этой части выполнены крылья бабочки) и нижней — полого конического бубенца. Ажурная сетка крыла могла иметь разнообразные формы. Эти украшения изготавливали сами крестьянки, и каждая могла создать свой узор, добавляя детали и фрагменты по своему усмотрению.

В комплекс праздничного головного убора вместе с серьгами-«бабочками» входили бисерные бусы-жгуты. Бисерные бусы достаточно редки в коллекциях музеев. В фондах музея-

Демонстрация изготовления бисерных женских украшений в зале дома крестьянина Ошевнева. Анастасия Яскеляйнен.

Демонстрация изготовления бисерных женских украшений в зале дома крестьянина Ошевнева. Майя Гусева.

заповедника «Киж» хранится единственный образец таких бус. Выполняли такие серьги и бусы сами крестьянки. Каждая могла создать узор по своему усмотрению.

Бусы изготавливались техникой низания и вязания. Техника вязания получила распространение в России в XVIII—XIX веках. На льняную или хлопчатобумажную нить нанизывался весь бисер в определенном порядке по заранее вычисленному рисунку. Затем мастерица вязала крючком нить основы, подвязывая каждую бусинку отдельно, оставляя ее с правой стороны от крючка. Особенность техники вязания приводит к постепенному смещению

Ажурные бусы и бусы-жгуты.

Серьги-бабочки.

рисунка, что вызывает сложности и требует особого внимания при его расчете.

Посетители музея высказывают истинное восхищение мастерством девушек «Ожившей экспозиции», демонстрирующих изготовление бисерных украшений по старинным технологиям.

Ткачество

В летней избе дома Ошевнева, расположенной напротив «залы», где стоит старинный ткацкий стан, представлено древнее ремесло — ткачество.

Ткачество — искусство, техника изготовления тканей¹. До второй половины XIX века

Процесс изготовления половиков в летней избе дома крестьянина Ошевнева. Мастер Марина Гусева.

ткачество было массовым и широко распространенным женским домашним ремеслом и в целом по России, и в Олонецкой губернии. В это время в каждой избе можно было встретить ткацкий стан, женщины ткали холст для своей семьи и на продажу. Со второй четверти XX века домашнее ткачество было связано лишь с изготовлением разноцветных дорожек — половиков.

Работа по изготовлению холста требовала большого труда, природной смекалки, сложных математических расчетов. Навыки и умения передавались из поколения в поколение, от матери к дочери. Девушки садились за ткацкий стан с 9—10 лет, когда ноги начинали доставать до его педалей.

Для ткачества отводилось время Великого поста, исключая пятницы и время службы в церкви. Женщины работали по 10—12 часов в день, опытная ткачиха успевала за это время соткать 5 метров тонкого льняного полотна. К Пасхе старались наткать как можно больше полотна, потому что перед праздником ткацкий стан разбирали и выносили в хозяйственную часть дома до следующей весны.

Для работы на ткацком стане прежде всего из нитей готовят основу будущей ткани. Этот процесс называется «снованием». Затем основу осторожно заплетают косой и навивают сначала на **задний навои**, затем протягивают через **ниченки** и **бёрдо** и закрепляют на **переднем навое**. Нити основы туго натягивают и присту-

пают к ткачеству. Ткань состоит из двух систем нитей (основы и утка), переплетающихся в определенном порядке. **Уток** — поперечные по отношению к основе нити будущего холста.

Ткачиха правой рукой пробрасывает **челнок** с уточной нитью сквозь **зев основы**.

Затем, **заступая**, т. е. нажимая на **подножки**, она меняет местами нижние и верхние нити основы. Чтобы уток ложился ровно, его «затыкают» (прибивают к предыдущим) двумя — тремя ударами частого гребня — **бёрдо**, утяжеленного массивными деревянными пластинами — **набилками**. Затем операцию повторяют, пробрасывая челнок левой рукой и т. д.

Качество тканья зависит прежде всего от правильного натяжения нитей основы, плотного прибивания уточной нити, правильного их переплетения и качества сырья.

Холсты изготавливали и для хозяйственных нужд, и на приданое, и для обрядово-ритуальных полотенцев. Каждая женщина владела множеством приемов: от простого полотняного переплетения до сложной браной техники ткачества.

Полотняное переплетение на двух подножках является самым древним ткацким приемом. Так повсеместно ткали однотонное белое или серое полотно для рубах и полотенцев; многоцветную «пестрядинную» полосатую и клетчатую ткань на юбки, сарафаны и другие виды одежды; ткали половики из лоскута и одеяла.

Бёрдо в набилках прибавляет уток.

На множестве педалей (до 8) ткали белые нарядные узорные скатерти. Браными многоцветными узорами украшали закрайки полотенцев, рубахи-станушки, подзоры.

Вышивка

Из летней избы туристы попадают в соседнее помещение крестьянского дома — горницу, считавшуюся «чистой половиной жилья» и обставленную на городской манер, здесь девушки готовили свое приданое и дары на свадьбу, вышивали полотенца и станушки, шили одежду.

Вышивание — одно из основных и любимых женских занятий. Многие вышитые изделия — полотенца, подзоры, рубахи-станушки — имели ритуальное значение и играли большую роль в свадебной обрядности. Для своего приданого и даров на свадьбу девушки вышивали большое количество изделий. Секреты мастерства и различные технические приемы вышивания крестьянки познавали через копирование старинных полотенцев, поэтому даже в XIX веке в орнаментах встречались архаичные мотивы, связанные с языческими верованиями крестьян.

Ткань для вышивания закрепляется в специальном приспособлении, которое называется **пяла** (прямоугольная деревянная рама). К ткани крупными стежками через край пришиваются тонкие ивовые прутья, а затем при помощи бечевы, пропущенной через эти прутья, ткань закрепляется в пялах и растягивается.

Иголки применялись тонкие и в конце XIX — начале XX века покупались у мелочных разносных торговцев.

В вышивке народов, населявших Карелию, преобладает сочетание двух основных цветов — красного и белого. Технические приемы русской заонежской вышивки, которую показывают мастерицы в музее «Кижь», отличаются большим разнообразием. Наиболее распространенными видами вышивки в Заонежье были двусторонний («досюльный», т. е. старинный) шов, шов «по выдергу», «настил по сетке», тамбурный шов, вышивка крестом и другие, значительная часть мотивов имела геометрический характер.

Демонстрация традиционной вышивки в горнице дома Ошевнева. Лидия Вершинина.

К счетной технике вышивки относятся двусторонний (**досюльный**) шов, шов **крестом** (получил распространение в начале XX века). При вышивании этими техниками рисунок на ткань не наносится. Вышивальщица мысленно представляет всю композицию в целом, узор образуется отсчетом нитей в горизонтальном, вертикальном и диагональном направлении.

Примером несчетной техники является **тамбур**. Этот тип вышивки выполняется по нарисованной заранее линии крючком — **тамбуркой**. Мастерица вкалывает тамбурку с лицевой стороны холста на изнанку, подхватывает нить и протягивает ее на лицевую сторону. Тамбурный шов с лицевой стороны образует «косичку», напоминающую вязаную крючком цепочку. Часто в промежутках между тамбурными узорами делали сетку. Эта техника вышивки называлась **тамбур по сетке**, она отличалась особой нарядностью.

Самой изысканной вышивкой являлся **настил по сетке**. Сетку, образованную путем выдергивания нитей из основы и утка, обвивали белой нитью. Затем сетку перевивали более толстой белой нитью, и поэтому в некоторых

Демонстрация тамбурной техники вышивания в горнице дома Ошевнева. Наталья Егорова.

деревнях эту вышивку называли «перевить по сетке». Такой вышивкой украшали свадебные полотенца.

Мастерицы «Ожившей экспозиции» демонстрируют в основном двусторонний «досюльный» шов, вызывающий восторг у посетителей музея. Как правило, мастера «Ожившей экспозиции» и сектора ремёсел музея выполняют копии полотенцев из коллекции музея «Кижь».

Туристы острова Кижь могут посетить не только основную экспозицию музея в секторах «Русские Заонежья» и «Пряжинские карелы», но и прогуляться вглубь острова и зайти в дом Березкиной в деревне Ямка, где представлен традиционный интерьер зимней избы и горницы. Здесь появляется возможность не только ознакомить посетителя с интерьером крестьянского жилища и некоторыми крестьянскими занятиями, но и дать возможность самому посетителю участвовать в процессе прядения, ткачества на ткацком стане и сновании нитей для ткачества.

Знакомство с традиционными занятиями для туристов в интерьерах музея — это уже опробованная программа, а вот привлечение посетителей для более подробного освоения какого-либо мастерства через мастер-классы — это явление новое.

В зимней избе дома Берёзкиной стоит ткацкий стан с заправленным тонким льняным полотном в технике узорного ткачества. Во время посещения группы мастерица демонстрирует ткачество полотна. В зимнее время крестьянки всегда пряли — это зимнее занятие, и поэтому именно здесь все желающие научиться прядению будут прядь шерстяные нити на прядках, используя старинную технику.

В горнице представлена выставка «Заонежская вышивка». Обычно в горницах молодые девушки выполняли «чистые» работы, они вышивали приданое и дары на свадьбу, они вязали скатерти и салфетки, они изготавливали украшения из речного жемчуга и бисера. В этом довольно просторном помещении стоит большой стол, за которым может уместиться группа в 10—12 человек на мастер-классе по вышивке.

В сенной горнице представлена выставка «Ткачество Олонецкой губернии конца XIX — начала XX вв.» На выставке представлены большое количество деталей ткацкого стана, которые говорят о трудоемкой поэтапной подготовке к ткачеству, и изделия, выполненные в разных техниках. Здесь стоит ткацкий стан, и посетители могут попробовать свои силы в изготовлении дорожек из тряпичного лоскута. Кроме того, здесь, в сенной горнице, будет проводиться мастер-класс по плетению и ткачеству поясов.

На «сарая» представлена выставка «Обработка льна» — там планируется проводить мастер-классы по таким операциям, как мятьё, трепание, мотание на мотовило с веретена, растягивание мотушки на воробах, мотание на вьюхи с вороб, снование на сновальных воробах или вдоль стены. Посетители выставки смогут не только познакомиться с предметами и орудиями ткачества, но и испытать свои знания и силы в таком сложном деле, как подготовка льняной кудели и основы для ткачества.

В целом выставки дома Берёзкиной позволят посетителям не только составить представление о нелегком повседневном труде крестьянок ушедшей эпохи, но и погрузиться самим в атмосферу труда, пробуя освоить простейшие приемы ткачества или прядения, возможно, у многих, особенно маленьких, это вызовет интерес, и им захочется продолжить изучение и освоение более сложных техник ткачества.

Весь предметный ряд выставки составлен из предметов коллекции дерева и текстиля музейного сектора сохранения, изучения и демонстрации традиционных ремесел.

Примечания

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2004. С. 1045.

Литература

Белюсева Л. Наглядная история швейной машины: [Электронный ресурс] // Портал «Наука и жизнь». Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3264/> (дата обращения: 11.06.2015).

Горяинова Г. Ручное ткачество поясов на дощечках [Электронный ресурс] // Сайт «Радуга из шерсти». Режим доступа: <http://www.knitter.spb.ru/workshop/weaving.php> (дата обращения: 11.06.2015).

Коршакова М. О текстиле: [Электронный ресурс] // Сайт «Текстильная мастерская Марины Коршаковой». Режим доступа: <http://textile.onego.ru/textil5.html> (дата обращения: 11.06.2015).

Трифорова Л. В. Декоративно-прикладное искусство Пудожья и Заонежья в собрании музея «Кижь». Петрозаводск: ПИН, 2004. Бабаянц Г. Н. Поморские куклы «Панки» // Этнография народов Вост. Европы. Л.: Географическое общество СССР, 1977. С. 105—117.

Вепская вышивка / сост. В. А. Гущина. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижь», 2009.

Воробьева Е. А. Выращивание и обработка льна в Олонецкой губернии. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижь», 2010.

Гусева М. М. Традиции ткачества Олонецкой губернии конца XIX и начала XX в. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижь», 2011.

Скобелев О. А. Заонежский лен: как это было. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижь», 2009.

Скобелев О. А. Липовое лыко заонежан: и гуж, и веревка, и мочалка. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижь», 2008.

Яскеляйнен А. А. Жемчужные и бисерные украшения в крестьянской культуре Олонецкого края. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижь», 2010.

Выходные данные. Научно-популярное издание. Гусева Марина Михайловна. Ожившая экспозиция музея-заповедника «Кижь» Представление ремесел Олонецкого края конца XIX—XX века. Редактор Т. А. Литова. Подписано в печать 25.07.2015. Уч.-изд. л. 00. Тираж 50 экз

<http://kizhi.karelia.ru>

«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»

Художественно-этнографический альманах

Электронное издание Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода».

Выходит с 2013 года.

Сайт: <http://www.kostrsloboda.ru>

Выпуск №3 – 2015 год.

Под общей редакцией А.И. Митина,
директора музея-заповедника «Костромская слобода»

Редактор-составитель – Т.Г. Гончарова,
учёный секретарь музея-заповедника «Костромская слобода».

Верстка – В.А. Кокшаров.

Дизайн – И.В. Васильев.

Художник О. И. Швейцер

Фото:

Александр Журавлёв, Татьяна Гончарова,
а также снимки из архива музея-заповедника «Костромская слобода»
и департамента культуры Костромской области.

Объем: 10 п.л. При использовании материалов выпуска или их фрагментов
ссылки на издание обязательны.

Адрес редакции:

156000, Кострома, ул. Советская, д.41 а. Телефон: 31-31-12.

Email: goncharova4848@mail.ru

КОСТРОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КОСТРОМСКАЯ СЛОВОДА

156004, КОСТРОМА, УЛ. ПРОСВЕЩЕНИЯ 16, ТЕЛ.: (4942) 37-38-72, ФАКС: (4942) 37-25-73